



№ 23 (949)

ДЕКАБРЬ 1966

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

СМЕНА

СОКРУШЕНИ



МОСКВА, 1941 год



Иваним-давно отработали бом, но нет-нет да и попадется в лесу находка, заставляющая всколыхнуться палатку. Я видел однажды, как стояли неподалеку от шоссе, идущего из Подоньска на Малоярославец, где-то за сотнями километров от Москвы, молодые туристы. Парни и девушки внимательно рассматривали лежащую перед ними промятую немецкую каску с равной профбонией от осколка снаряда. Неподалеку угадывался оцеп, когда-то открытый в полевой профиль, а теперь ольшаный и заросший.

— Неужели «они» были здесь! — неуверенно спросила одна девушка.

Юность, которая знает о минаушей войне только из книг и по рассказам старших, столкнувшись вдруг с наглядным материальным атрибутом войны. Абстрактное в какой-то мере допоянилось осязаемым. Лица юношей, до этого весело переключившихся в лесу, стали задумчивыми и серьезными. А передо мной отчетливо омили военные дни тысяча девятьсот сорок первого года...

Да, «они» были здесь. Были и еще ближе. Лезли направо. Пробивались востро и упорно: ведь до Москвы оставалось совсем недалеко. А там они рассчитывали на удобные навстречу, самое доволное победитель и скорый конец войны. Во всяком случае, так обещал им фюрер. И все же они не дошли. Где-то здесь, на этом шоссе под Малоярославец, заимали оборону курсанты подольских пехотного и артиллерийского училищ. Им было тогда по 19—20 лет, как и ребятам, которые нашли здесь каску.

Но как же это случилось? И что произошло потом!

Об этом надо знать и помнить всегда.

ПУТИ, КОТОРЫЕ ОНИ ВЫБИРАЛИ

Крайне неблагоприятная обстановка, в которой началась Великая Отечественная война, не оставляла для нас выбора. Выбирали они — и время и направление сиях ударов. Военная машина гитлеровской Германии была хорошо отлажена в предыдущих кампаниях второй мировой войны. Немецко-фашистские армии труднейшими маршами прошли по Западной Европе. В молниеносном темпе они завоевали Варшаву и Копенгаген, Осло и Роттердам, Амстер-

дам и Брюссель, Дюнкерк и Париж, Белград и Лондон.

22 июня 1941 года полчища гитлеровцев вторглись в пределы Советского Союза. На всех стратегических направлениях у них было значное превосходство в силах — в количестве солдат, танков, авиации. Их дивизии были полностью отмоблизованы и обладали боевым опытом.

Используя полученные преимущества, немецко-фашистские полчища тремя потоками — на севере, в центре и на юге — ринулись в глубь территории Советского Союза.

Одна гигантская клякша, именовавшаяся группой армий «Север», потонула через Прибалтику к комьбели революции — Ленинграду; другая, на противоположном крыле советско-германского фронта, устремилась на Украину — к Киеву, а затем в Крым и Донбасс; но самый сильный удар враг наносил на центральном — Смоленско-москвитском стратегическом направлении. Это был наимыратчайший путь с запада к центральному промышленному району страны и к Москве.

Немецко-фашистские полевые армии быстро шли к Дмитру. А впереди танковые клякши Гейнера, Гота, Гудериана. Клейства рвались на фланги и в тылы советских соединений, образовывали большие и малые котлы, оставляли за собой бесконечные зарева пожаров, сирад и пепелища. Через 19 дней после начала вторжения Бон шил уже у Житомира, на Дмитре, у Мухомогозера...

Весь мир затан дышать следил за борьбой на советско-германском фронте, ибо каждый понимал, что именно там теперь решаются судьбы человечества. Азарг и несомненные первые успехи пъянили головы гитлеровским генералам. Но при всем этом они сразу же заметили, что восточный поход с самого начала не был похож на все предыдущие кампании в Западной Европе.

Гитлеровцам приходилось оплачивать каждый свой шаг по советской земле дорогой ценой. Начальник германского генерального штаба Гальдер уже на тринадцатый день войны записал в своем служебном дневнике: «Штаб танковой группы Гота доложил, что в строю осталось лишь 50 процентов шитного состава машины». А на двадцать второй день повлилась в дневнике еще более многозначительная запись: «Потери в танках составляют в среднем 50 процентов. Потери личного состава в основном не превышают численности

Пролетарии всех стран, соединитесь!

СМЕНА

Год издания сорок третий
Выходит два раза в месяц

ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
ВЛКСМ

ДЕКАБРЬ
1941
23

полевых запасных батальонов, которые теперь полностью израсходованы.

А ведь началась всего лишь четвертая неделя войны. В это время только завлаживали сражения на огромной территории от Сибиряка и Игнатьева Лука на севере до Лоева и Ногорода-Северского на юге, от Полода, Витебска и Жубина на западе до Торочца, Иржеца, Еланя и Гривачева на востоке. Этим сражениями известны в военной истории под названием Смоленской оборонительной операции.

Славой оборонительная в данном случае выражает лишь общее ее стратегическое содержание. Что же касается конкретных форм и способов боя, то это был комплекс оборонительных и наступательных операций наших фронтов и армий. В течение двух месяцев, с 10 июля по 10 сентября, наиболее сильная группировка армейских войск оказалась вынужденной, по существу, топтаться на месте. Она не только прекратила свое безостановочное движение на Москву, но и перешла в оборону. Директиве № 34 от 30 июля 1941 года вынуждено было признать, что ход событий в центральной стратегической полосе направляется к тому, чтобы «временное отклонить выполнение целей и задач, поставленных ранее войскам». И далее в этой директиве указывалось: «Группа армий «Центр» переходит к обороне, используя наиболее удобные для этого участки местности... 2-я и 3-я танковые группы должны быть, как только позволят обстоятельства, выведены из боя и ускоренно пополнены и восстановлены».

Незначительно ли? Ведь это был первый случай с самого начала второй мировой войны, когда гитлеровский генералитет предписал своим войскам встать в оборону. И принудило его к этому свое безраздельное господство и самовероятность советские воины.

Потери немецко-фашистской армии на Восточном фронте к этому времени по данным самих немцев превалили уже за 318 тысяч человек. Так начало выясняться, что пути, которые выбирали Гитлер и его генералы, совсем не так гладкие, какими представлялись на бумаге. Расчеты на «молниеносное» достижение намеченных в плане «Барбаросса» целей явно терпели крах. В середине августа начальники германского генерального штаба сделали в своем дневнике еще одно весьма характерное замечание: «Общая обстановка позволяет все еще считать, что сие — это колосс России... был недооценен нами».

Смоленская оборонительная операция Красной Армии является одной из самых героических страниц начала Великой Отечественной войны. В результате ее гитлеровское военное руководство стало перед необходимостью пересмотреть последовательность ведения операций, что немаловажно влекло за собой потерю времени и неизбывную перспективу ведения затяжной войны против Советского Союза. В поисках выхода из создавшейся обстановки оно приняло решение о переносе усилий к Смоленскому стратегическому направлению на юг. Сюда, в обход нашей армии, обороняющей Киев, во второй половине августа были повернуты входившие в состав группы армий «Центр» 2-я танковая группа Гудериана и 2-я полевая немецкая армия.

В сентябре врагу удалось нанести восточнее Киева серьезное поражение Юго-Западному фронту. После этого гитлеровские генералы вновь

самостоятельно решили, что им все же следует решить исход войны в свою пользу уже на северо-западе. В соответствии с этим был поставлен вопрос о подготовке крупной стратегической операции с привлечением в группу армий «Центр» дополнительных сил с запада и юга. В состав центрального промышленного района и столицы Советского Союза. В планах немецко-фашистского военного командования эта операция получила кодовое наименование «Тайфун».

«ТАЙФУН»

УГРОЖАЕТ СТОЛИЦЕ

Стоит вспомнить, что при планировании нападения на СССР план «Барбаросса» и эта операция предусматривали наступления на Москву предначертанные четыре армии, а на разгром нашей страны отводили три-четыре недели. Теперь, через три месяца после начала войны, авторы плана, несмотря на то, что немецко-фашистские воины находились не у границы, а в восточнее Смоленска, для достижения цели им оставалось сделать уже не четыре, а шесть армий.

Чтобы нагляднее представить себе, что это значит, стоит вспомнить еще и такие факты. В войне против Польши в 1939 году участвовало пять немецких армий. Первоначальный удар против европейских государств в 1940 году нанесли также пять немецких армий. В сентябре 1941 года к прыжку на советскую столицу изготовились шесть армий, из них три танковых. В общей сложности это боевое подразделение солдат и офицеров, 1700 танков, свыше 19 тысяч орудий и минометов и другая боевая техника. А с воздуха наземные войска поддерживались авиационными подразделениями, имевшими в своем составе до тысячи самолетов. А что противопоставил этим силам с нашей стороны? К началу наступления немецко-фашистских войск на дальних подступах к Москве оборонялись три наших фронта: Западный (командующий — генерал-полковник И. С. Конев), Резервный (командующий — Маршал Советского Союза С. М. Буденный) и Брянский (командующий — генерал-полковник А. И. Еременко). Всего в их составе имелось около 800 тысяч бойцов, 770 танков и 9150 орудий (имеется в виду численность боевых соединений, без части усиления и т.п.). Эти фронты занимали оборону от озера Сенгер на севере до Путилы на юге.

В директиве от 16 сентября 1941 года Гитлер поставил группе армий «Центр» задачу: против обороняющейся советской войск, окружить и уничтожить главные силы Западного, Резервного и Брянского фронтов и, преследуя их остатки, завладеть Москвой, охватывая ее с севера и юга. 30 сентября враг нанес из района Шостки удар по Брянскому фронту, расколов его на две части. 3 октября пал Орел. Неса боевые потери оказались под угрозой окружения, соединения Брянского фронта вынуждены были отойти на восток и юго-восток. В результате этого утрачена половина Тулы. 2 октября началось наступление гитлеровцев против войск Западного и Резервного фронтов. Здесь произошло самое большое поражение. Наша оборона была прорвана, ударные группировки противника стремительно двинулись вперед и, охватывая с юга и севера обороняющиеся армии, 6 октября замкнули кольцо окружения западнее Вязьмы. Тяжелая неудача, постигшая наши войска на смоленском направлении в начале октября 1941 года, объясняет-

ся не только превосходством врага в силах. И рядовые воины нашей армии и командиры еще не приобрели необходимого боевого опыта, что, безусловно, сказывалось на действиях войск. Наука победить давалась нелегкой ценой.

Коммунистическая партия, Советское правительство, Ставка Верховного Главнокомандования принимали экстренные меры для ликвидации угрозы, исходившей над Москвой. На ее защиту поднимались «вся страна. Сюда, к столице, срочно подтягивались соединения с других фронтов, спешно новые дивизии с Дальнего Востока, из Средней Азии и Сибири. 10 октября для улучшения руководства войсками Ставка объединила Западный и Резервный фронты в единый фронт под командованием генерала армии Г. К. Жукова [еще через неделю три армии этого фронта действовали на Калининском направлении, были выделены в самостоятельный — Калининский фронт, который возглавил генерал-полковник И. С. Конев].

Самой неотложной задачей после прорыва врага под Вязьмой и в Брянска было создание прочной обороны на рубеже Волоколамск—Можайск—

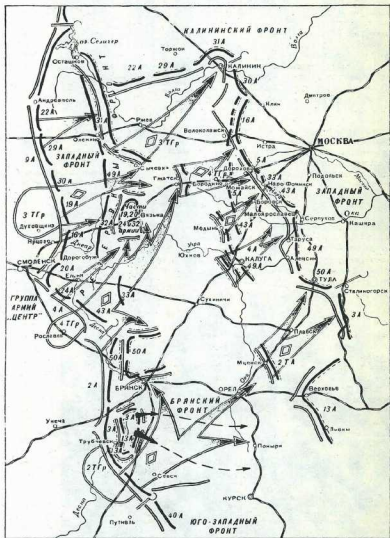
Малоярославск—Налуга. Этот рубеж, известный под названием Можайской линии обороны, оставался генерал-единственной преградой на пути гитлеровцев в Москве. И они могли быстро к нему подойти. Однако их главные силы были скованы на время нашими армиями, оставшимися в окружении в районе Вязьмы. Советские воины не сложили оружия, они дрались стойко и упорно, до последней возможности, выигрывая тем самым драгоценное время. Из крови и жертв — это великий вклад в общее дело защиты Москвы.

Из Можайского лимно обороны спешно стягивались войска. Дорога была каждая минута.

Чтобы понять, как это было сложно, давайте прочтём выдержку из нескольких документов — боевых распоряжений, отданных войскам Военным советом Западного фронта в один из самых критических дней — 12 октября 1941 года. Вот одно из них, с пометкой «Вручить немедленно»:

«Направление на Бороск должно быть быстро и полностью закрыто. Немедленно автотранспортом выдвинуты в район Ищенку условный стрелковый полк 113-й стрелковой дивизии,

Ход боевых действий на смоленском направлении с 30.9 по 14.11.41 г.



- Дивизия фронта к 30.9.41 г.
- Линия фронта к 10.10.41 г.
- Линия фронта к 14.11.41 г.
- ↗ Направление ударов войск противника.
- ↖ Направление контрударов советских войск.

кого-то занять оборону, — на участке, Исаио, 13.10 вывести туда всю дивизию».

Другое адресовано генералу Конарду в адрес начальника гарнизона города «Тайфуна».

«Организовать из наличных сил выбросить отрядов на автотранспорте фронт обороны на рубежи Старца, Московское море с задачей пригнать на помощь на Каналь».

Третье — начальнику Можайского укрепрайона полковнику Богданову и командирам двух танковых бригад: «10-ю танковую бригаду выдвинуть в район переднего фронта на Михайловское с задачей для упрощения направления автотрады».

18-ю танковую бригаду привести в порядок и использовать: «для автотрады и Можайского моря для укрепления переднего края УР [укрепленного района. — А. К.]». Часть танков заготовить в заводо и использовать как ПТО [противотанковую оборону. — А. К.]».

Итак, гитлеровцы приближались к Можайской линии обороны с разных направлений. В Можайском районе командования почти не войск, чтобы парировать возникшие угрозы.

Начавшись в то грозные дни начала октября 1941 года и были подняты по тревоге курсанты подольских училищ. Они захватили брешь в районе Малоярославца, а затем совместно с 312-й стрелковой дивизией германские сдерживали натиск врага вдоль Варшавского шоссе. Еще три стрелковые дивизии, Московское армейское и 312-й стрелковой дивизии училища, училища имени Верховного Совета РСФСР, три запасных стрелковых полка, пять пулеметных батальонов — это было все, что имелось к тому времени на Можайской линии обороны протяженностью в 120 километров. Заданно только одна — задержать продвижения, выиграть часы и дни для спешки в эту область, чтобы разрушить войска, которые прирост внешнеке направления: волжско-каспийской — 16-я армия генерал-лейтенанта К. К. Рокоссовского, Можайской — 5-я армия генерал-лейтенанта артиллерии Л. А. Говорова, малоярославца — 43-я армия генерал-майора К. Д. Голубева, подольско-залужского — 49-я армия генерал-лейтенанта И. Г. Захаркина. Эти армии, а также войска Калининского фронта и 50-й армия генерал-лейтенанта И. В. Богдина, оборонялись в районе Каналь. В ходе борьбы на московском направлении. Упорно и стойко сражались, они сивала затормозили, а затем и остановили первый, октябрьский, вал «Тайфуна».

Гитлеровские войска не смогли вопреки планам своего командования прорваться вперед до советских оборонительных рубежей. В конце октября их пробивная способность иссякла, и наступление приостановлено. Потребовалась дугнадушная помощь паратрупинок и воступления огромных потерь.

УКРОЩЕНИЕ «ТАЙФУНА»

С середины ноября началось новое генеральное наступление вражеских армий на Москву. Упорно фашистской Германии торпировали, и на это у него были свои причины. Они ведь не рассчитывали воевать зимой. Войска были плохо подготовлены и не приспособлены к холодам. Перспектива затяжной войны пугала.

Между тем зима приближалась. К тому же октябрьская кампания закончилась заманчиво близкой».

И снова на полях Подольского закрепила гигантская битва, невиданная по своему ослепительности. Немцы-фашисты воевали с огромным героизмом, не считаясь с потерями. Будучи уверенными в успехе, Гитлер и его генералы бросали в сражение полные резервы. Но в боях превозмогшим и горьким были военные сводки ноябрьских дней. Оставлены Клин, Солнечногорск, Истрин, Малоярославль. В полуокружении сражались Тушино, Тучково, Фосет станицы. Наши армии, напруга все силы, сдерживают бешеный натиск. Линия фронта изгибается, порок нарастает, как струя. Воинскую помощь Западного фронта приходилось перебрасывать на места, где назревала наибольшая опасность, все, что только возможно, с нехваткой вооружения. Счет шел не на дни и недели, а на отдельные взводы и отделения солдат с противотанковыми ружьями, группы танков, артиллерийские батареи, бронетехнику. Не раз отражать атаки гитлеровцев приходилось штабам командиров и лично составу тыловых подразделений.

В конце ноября сражение шло у самого порога Москвы — у Дмитрова и Яхромы, в Крюково и Красной Поляне, у Звенигорода. Отступать было нельзя. Советские войска стояли на смерти. Ратный подгон воинов на фронте слыли воедино с непреклонной волей к борьбе трудящихся столицы. В боях участвовали даже подпольная поддержка всего советского народа, всея страны.

К Москве выдвигались подготовленные танки по призыву Центрального Комитета партии и Московской городской и областной партийных организаций москвичи и трудящиеся области как один человек вставали на борьбу с врагом. В октябре — ноябре москвичи диспанси на фронт при добровольческих дивизии народного ополчения, а всего с началом ноября в состав 17 танковых дивизий, 12 тысяч бойцов, преимущественно коммунистов и комсомольцев, вступили в созданные в каждом городском районе рабочие роты и батальоны. Вооружались сотнями отрядов, боевых дружин и групп истребителей танков. Примерно 100 тысяч человек проходили военное обучение в 17 танковых дивизиях. Курсы младшего и сандружинниц обучалось около 17 тысяч женщин и девушек.

В подпольном движении молодежи столицы, преимущественно женщин, в осеннюю спячку и в мороз возоздания в городе и вокруг него — на дальних и ближних подступах к оборонительным сооружениям. Тысячи патриотов круглосуточно несли службу в командах МПВО, дежурили на крышах при воздушных налетах, доставляли свою кровь для раненых, готовили и отправляли подарки на фронт.

При всем этом столица ни на минуту не прекращала ковать для фронта оружие. Военное производство было налажено почти на всех предприятиях, на производственных бригадах эвакуированных заводов, на предприятиях местной промышленности и промколлектива. Теперь, четверть века спустя после тех грозных дней, преимущественно женщин, когда читали, например, рапорт о том, что на заводе «Спортинг» организовано производство танковых пушек, танковых и артиллерийских орудий, что завод, производящий кроватки, стал делать

спарные лыжники и боеприпасы; что артель, изготавливающая заводы для дамских сумочек, занималась деталями протитанковых гранат, а артель стеганых шин и елочных украшений — детали будущей танковой системы. Но так было. Во имя нашей победы.

Усилиями Коммунистической партии фронт и тыл превратились в единую неразрывную цепь. Это и было главным, решающим, что окончательно укрепило гитлеровский «Тайфун». Два месяца буживал он сибиряков и шедших из Подольского, нес смертельную угрозу советской столице, и все же был усмирлен стойкостью и упорством советских людей, обещали и стиз, так и не достигая до Москвы.

ПОД МОСКВОЙ ЗАНИМАЛАСЬ ЗАРЯ НАШЕЙ ПОБЕДЫ

Итак, к концу ноября — началу декабря 1941 года оборонительный период войны в Москве завершился. Немецко-фашистские ударные группировки, наступавшие на Москву с севера и юга, полностью и окончательно вытеснены с территории Москвы. Источники громадных людских потерь, переутраченные до крайности и упавшие духом, гитлеровские войска не имели уже резервов. В ближайшее время их не было. Выбросив в бой и других участников советско-германского фронта. Гитлеровский план, рассчитанный на захват Ленинграда, рухнул: парядя в наступлении, советские войска разгромили противника и освободили Тихвин; на юге страны был освобожден Ростов-на-Дону, и враг оказался обороняющимся Межу. Коммунистичекие, связывающие группу армий «Центр» с тылом фашистской Германии, растянутой до тысяч километров. К тому времени на временно оккупированной врагом территории активно действовали советские партизаны.

Красная Армия выиграла оборонительное сражение за Москву, предопределила тем самым дальнейший разгром гитлеровцев. В то время как противник полностью исчерпал свои резервы, Советское Верховное Главнокомандование сумело их накопить и не вводило в бой до решающей фазы всего сражения. Лишь в конце ноября Ставка передала в состав Западного фронта три новых армии из своего резерва. Две из них — 1-я ударная и 20-я — сосредоточились на правом берегу, а 16-я — на левом. Все это были благоприятные для нас факторы, свидетельствовавшие о том, что советский народ и его Вооруженные Силы уже пережили самое сложное время. Однако обстановка оставалась сложной и грозной. Советские войска также понесли большие потери.

Маршал Советского Союза К. К. Рокоссовский вспоминает, например, что уже в период боев на климском и солнечногорском направлениях в ноябре 1941 года в одной из стрел-

ковых дивизий 30-й армии, которой командовал генерал Д. Д. Леонович, насчитывалось всего около 300 человек; в 58-й танковой дивизии 16-й армии не было ни одного танка, и 10-я танковая бригада вообще составляла в строю 12 человек, но 8 из них были устаревшей конструкции. Севернее и северо-западные столицы гитлеровцы подошли к каналу Москва — Волга почти у Иванько. Забрался их части захватили Кружково, а 3 декабря — населенные пункты Вельский Раст и Красную Поляну. Вспомогательные отряды сумели продвинуться к Москве на 230—250 километров, теперь же до нее им оставалось только 25. На центральном участке Западного фронта в начале декабря враг нанес удар от Раменского к Арпелевану.

Острота и напряженность и предопределили то своеобразие, в котором началось контр наступление под Москвой. Его общий замысел складывался постепенно, в ходе ожесточенной борьбы в конце ноября, и вырастал из контрподготовки советских войска командования. Для того, чтобы окончательно остановить продвижение врага к столице. Эти контрудары начались 27 ноября, когда передовые части 1-й ударной армии генерала В. И. Кузнецова, выдвинувшиеся из резерва Ставки, разгромили противника, перевалившего за реку Яхрому в восточном направлении. 2-й каверширский корпус генерала П. А. Белова, переброшенный из под Серпухова и усиленный танковой резервой Ставки, нанес удар по врагу в районе Каналь и отбросил его к Мордовье. Это были первые, пока еще местные успехи. Но они показали, что кризис навалился на фронт. В течение ноября фронт на проведение контр наступления, представленное в Ставку 30 ноября, было утверждено Верховным Главнокомандованием. В первую очередь предлоало устранить непосредственную угрозу Москве. В дальнейшем предполагалось ставить армиями задачи по освобождению от обстановки. 1 декабря Ставка издала директиву на наступление Калининской фронты, а также правую крыль Юго-Западного фронта. Таким образом, в контр наступление переиздали войска трех наших фронтов.

Однако даже при этом условии и с учетом переданных в состав фронта резервов Ставки они не имели превосходства над противником в силах и средствах. В этом заключалась другая весьма существенная особенность контр наступления под Москвой. В наступлении даже несомненно считалась сторона для того, чтобы рассчитывать на успех, обязана иметь численное и техническое зад противником в силах и средствах. Таково превосходство у нас не было, поэтому, по всем основным положениям, в большинстве случаев оно оставалось еще на стороне немецко-фашистских войска. Наглядное представление об этом дает приведенная ниже таблица.

СООТНОШЕНИЕ СИЛ И СРЕДСТВ НА ЗАПАДНОМ СТРАТЕГИЧЕСКОМ НАПРАВЛЕНИИ К НАЧАЛУ Контр НАСТУПЛЕНИЯ

Лоды (в дивизиях и бригадах)	Силы и средства	Советские войска — 1-я ударная и правое крыло Ю.-З. фронта	Противник — 1-я ударная армия «Центр»	Соотношение сил
Около	718 800	801 000	1 : 1,1	
Среды и минометы	7985	14 000	1 : 1,75	
Самолеты	1170	615	1,9 : 1	
Танки	721	1000	1 : 1,4	

В эти условиях советскому командованию приходилось создавать некоторый перевес в силах лишь на узких участках в полосах наступления армий, на направлениях их главных ударов. Причем делалось это за счет ослабления соседних участков.

Однако на стороне советских войск было одно неоспоримое преимущество — их несомненное морально-политическое превосходство над немецко-фашистскими захватчиками. Каждый советский солдат и командир, защищая столицу нашей Родины, был проникнут стремлением сделать все для победы. «Под Москвой должен начаться разгром врага!» — этот лозунг Коммунистической партии стал лозунгом дней, армидов и воодушевляла советских воинов, порождал невиданную энергию и массовый героизм.

В дни, когда советское командование осуществляло сосредоточение и перегруппировку соединений для контр наступления, под Москвой вступили лютые морозы. Но им глубокий снег, их колючесть — ничто не могло угасить высокого наступательного порыва.

5 декабря в наступление перешли соединения Калининского фронта. Через сутки после сосредоточения авиационных ударов и артиллерийской подготовки двинулись вперед войска Западного фронта, стремились разбить прежде всего танковые группировки врага, которые рвались к Москве с севера и юга. В тот же день в наступление выключились две армии Юго-Западного фронта.

Наше контр наступление застало противника врасплох. Командование группы армий «Центр» к этому времени достаточно отчетливо представляло себе, что силы его войска иссякли и продолжать наступление на Москву не могут, резервы же все полностью израсходованы. Правда, столь же непоколебимым было его убеждение в том, что в распоряжении советского командования также нет никаких резервов и наступление Красной Армии неизбежно. Начавшись 27 ноября контрудар на истрицком направлении рассматривался гитлеровцами как сильная «сковыняющая атака», а на юге — как намерение «удержать рубеж Оин за западные Тулы».

Несмотря на это, руководящие генералы группы армий «Центр» считали необходимым временно переключить свои войска в оборону, чтобы закрепиться на выгодных рубежах в непосредственной близости от Москвы и затем подготовиться к новому наступлению. Гитлера и его ближайшее окружение не радовала такая перспектива. Они никак не могли примириться с тем, что их планы по захвату советской столицы окончательно сорваны.

Как им противились в Берлине предложениям о переходе в обороту 4 декабря генерал Гальдер вынужден был заявить командующему группой армий «Центр»: «Если фельдмаршал фон Бок считает, что нет никаких шансов на то, что в ходе наступления северо-западного Москвы противнику могут быть нанесены большие потери, ему предоставляется право прекратить наступательные действия».

Однако было уже поздно. Контр наступление советских войск не оставило врагу времени на организацию обороны. Инициатива в развернувшимся сравнении полностью перешла в руки нашего командования. Гитлеровские захватчики под ударами наших войск поспешно покинулись на запад, бросая технику, вооружение и неся огромные потери. За пять дней контр наступления правопланговые

армии Западного фронта продвинулись на 40 километров. 12 декабря был освобожден Солнечногорск, 15 декабря — Икни. На другой день соединения Калининского фронта вступили в Калинин. На линии фронта Западного фронта под ударами наших войск поспешно отступили дивизии танковой армии Гудермана. Тяжелое поражение нанесли врагу в районе Ефремова, Лывен и Ельды армии Юго-Западного фронта.

Теперь немецко-фашистскому командованию приходилось думать уже не о захвате Москвы, а о том, чтобы избежать надвигающейся катастрофы. Отход врага на ряде участков начинал порываться в бегство, войска его были дезорганизованы.

За время контр наступления под Москвой, продолжавшегося непрерывно в течение всего декабря 1941 года, немецко-фашистские захватчики понесли огромные потери. 15 танковых и моторизованных, а также 23 пехотных дивизии были разбиты, все остальные, входившие в группу армий «Центр», оказались в значительной степени обескровленными. В некоторых танковых дивизиях 2-й танковой армии осталось только по две сведенные танковые роты. Состав каждой дивизии 4-й танковой армии не превышал одного усиленного батальона. Не менее 300 тысяч человек, с учетом раненых и больных, тысяч орудий, пулеметов, автоматов, автомашин, сотен танков и самолетов — такова цена декабрьского отступления гитлеровцев. Дороги и поля Подмосковья были затоптаны брошенными ими при отступлении оружием и боевой техникой. В результате декабрьского контр наступления немецко-фашистские войска оказались отброшенными на запад на 100—200 километров.

Личь недостаток сил и средств, отсутствие у них в то время подвижных бронетанковых соединений да набравший еще опыт наших командиров в руководстве войсками позволили врагу избежать полного разгрома. И моральному кризису в немецко-фашистской армии прибавился моральный кризис и в среде ее командования.

«Страх за свою судьбу» — писал бывший начальник штаба 4-й немецкой полевой армии о настроениях тех дней, — охватил не только часть войск, но и многих представителей командования. То там, то здесь выявлялись сомнения в способности политических и военных руководителей».

Гитлер предпочел вину за поражение под Москвой свалить на своих генералов. Он снял с поста главнокомандующего сухопутными войсками Браухчи и сам встал на его место. Командующий группой армий «Центр» фон Бок был снят с поста генерал-фельдмаршалом Клеуге. За «самовольный» отход войск подвергся отстранению от должности командующий 2-й танковой армией Гудерман. А всего было смещено или ушло в отставку «по болезни» более трех десятков высокопоставленных генералов, которых недолго фюрер осыпал наградами и почестями за колоссальный разгром армий Франции, Англии, Бельгии и Голландии.

Теперь все выглядело иначе. Отступив битвы под Москвой грозными зарницами польнули по всей Европе, вселяя надежды в сердца пораженных народов. Горячие пламя этой великой битвы ослепило гитлеровскую Германию. Минор неопределенности немецко-фашистской армии навсегда был сокрушен советским народом и его Красной Армией.

Полковник А. КИСЕЛЕВ,
кандидат исторических наук



КОНТРАСТУПЛЕНИЕ КРАСНОЙ АРМИИ ПОД МОСКВОЙ.

Декабрь 1941 г.



КАЛИНИН

КЛИН

ДМИТРОВ

1Уд. А

1Уд. А
5А
16А
20А

20А

МОСКВА

Московская зона обороны

ПОДОЛЬСК

Западный фронт

33А
43А

КАЛУГА

10А
49А
50А

1ГВ к. н.

ТУЛА

10А



Умению воевать москвичи учились на улицах, площадях, стадионах родного города.

В те дни завод «Динамо» изменил профессию: в его цехах ремонтировались танки.

Фото И. ШАГИНА



А. М. ПЕГОВ,
секретарь Исполнительного
комитета Московского
городского Совета
депутатов трудящихся

ПОДВИГ ЮНОСТИ

Редакция «Смены» попросила меня написать статью о московских комсомольцах и об их делах в грозные дни 1941 года. В то время я был секретарем МК и МГК ВЛКСМ.

Я сел за работу с уверенностью, что дело пойдет легко: ведь такое не забывается, а кроме того, у меня сохранились немало документов, справок, фотографий тех лет.

«Московская организация ВЛКСМ, насчитывавшая перед войной свыше 600 тысяч комсомольцев, являлась одновременно городской и областной организацией. Комсомольцы Москвы были боевым отрядом всего Ленинского комсомола и показали примеры высокого героизма с первых же дней войны».

Я подготовил эту первую фразу статьи и, странное дело, почувствовал, как трудно писать. В ясное, спокойное и, прямо скажем, суховатое течение статьи врывались воспоминания. Очень яркие, волнующие, берущие душу. Первые дни войны... Думая о них, вспоминал себя в те дни, я вспоминаю ночь на 22 июля 1941 года — ночь, когда москвичи физически ощутили кровавое дыхание войны, впервые увидели врага — не на фотографиях в газетах, не на экране кинохроники...

В ту ночь мы были в здании МК и МГК ВЛКСМ на улице Кубышевская. По всему зданию и на крыше дежурили ребята-комсомольцы: налетов фашистов уже ждали, готовились, и всюду в столице были организованы спасательные и пожарные команды. Что-то около полуночи звякнули сирены и по радио объявили воздушную тревогу. Я подбежал к окну и увидел фантастическое зрелище. На западе, словно тысячи белых гигантских шу-палец, бродили по небу призрачные столбы прожекторов. В их лучах ослепительными точками всплывали крохотные, как будто игрушечные самолетики, такие безобидные на первый взгляд. Небо светилось сотнями, тысячами разрывов зенитных снарядов, цветные трассы пересекали его во всех направлениях. Гром зенитной артиллерии и падающих бомб приближался к центру города.

Конечно, в те дни мы были еще очень неопытными, совсем зелеными в военной делье. Комсомольцы-дежуры, как и я, с тревогой смотрели на это грозное зрелище. И тогда внезапно рядом, совсем рядом, раздался оглушительный грохот, дом на противоположной стороне вдруг осветился заревом взрыва, а по всему зданию МК и МГК зазвенели разбитые стекла, а даже на

понял, что произошло. Но потом, выскочив из кабинета, увидев окровавленные лица дежурных (несколько ребят ранено осколками оконного стекла и прилетевшими с противоположной стороны кусками кирпича), мы впервые почувствовали: война пришла в Москву. Надо было что-то делать. Я вывел раненых ребят на улицу, чтобы отправить на ближайший медпункт — своего у нас еще не было. И тут в лучах прожекторов, на высоте всего нескольких сот метров увидел летящий прямо над нами самолет. Фашистский, взрослый. Спокойно, не обращая внимания на обстрел, шел фашист над Москвой. Это потрясло меня до глубины души, это было невероятной! А утром вместе с секретарем ЦК ВЛКСМ М. А. Михайловым мы были на Гоголевском бульваре и видели разбитый прямым попаданием дом и трупы погибших москвичей. Гнев, злость, горечь заливали сердце. Хотелось немедленно что-то делать, что-то немедленно предпринять. Действовать!

Я и мои друзья, секретари МК и МГК ВЛКСМ А. Н. Шелепин и Н. Т. Сизов, отправились к Александру Сергеевичу Шербинову проситься на фронт. Сердца наши горели ненавистью к фаши-



«Красный, пристыженный. Другая все поняла, «Партия коммунист!» — зная, что это из них. И хотя сказано это было с юмором, слова были очень точными. Партия направляла комсомол на трудную работу по мобилизации всей молодежи на войну, на труд в тылу, на оборону столицы».

Однако довольно воспоминаний. Передо мной строились поясов обороны вокруг Москвы.

Требовалось срочно построить оборонительные рубежи вокруг Москвы. Вместе со взрослыми моими активными тружениками создавались комсомольские отряды. Возраст молодых строителей окопов, равов, дотов и других сооружений: 15—18 лет.

Московской городской и областной организации комсомола потребовалось лично возглавить сотню для того, чтобы организовать добровольные комсомольские отряды города и района и отправить их в места работ.

Я до сих пор с гордостью за московских комсомольцев вспоминаю этот мостовый подвиг, иначе не называлось: двести тысяч за два дня! Вот уж поистине по паровому зову!

...На вокзале мы провожали добровольцев-строителей. Колонна за колонной, в военном строю, с чехолцами, с рюкзаками шилы юноши и девушки в наскоро составленных из классов вагонов и теплушек шизонов. Подбегал парень с чехолчиком. «Дядя, куда садиться?» Я смотрю. А сколько же ему лет! На паренях плашки, перетянуты широкими поясами. Больше не по размеру салюги. Лет тринадцать, четырнадцать, не больше. Спрашиваю: «А сколько тебе лет?» В глазах пареня мелькают слезы и испуг. Сказку смотрит на меня, а голова бросается бешеным. «Стой, пареня, рано тебе еще. Куда там, как заяц, лутая следа, юркнул в какой-то вагон, только его и видел!»

«В результате самостроительного труда трудящихся и молодежи столицы на подмосковных рубежах и в самой Москве за очень короткое время было сооружено противотанковых препятствий — 236 километров, огневых — 800, из них — 200 в бетонных — 2 500, 37 500 стальных противотанковых ям».

До сих пор довольно часто встречаюсь с Александром Сергеевичем Щербаковым.

Меня поражало в нем одно качество. Вера в человека. Я не знаю, как он осуществлял знаменитый ленинский принцип — доверять, но проверять (несомненно, он им руководствовался), но часто мне казалось, что доверал он нам безгранично. Поручит, бывало, дело, потом спросит — как? — и смотрит при этом с полным доверием, и несомненно было при этом хотя бы догадываться не то чтобы неправду, нет, даже просто нечестно. Какой бы она, правда, порой трудной ни была. Очень большую ответственность накладывало его доверие, очень большой школой оно для нас было.

Однажды меня вызвал Александр Сергеевич. Это было в самое тяжелое осеннее время: немцы рвались к ближним подступам, часть районов области была оккупирована.

— Надо поднимать комсомол на беспощадную войну в тылу фронта. Надо уничтожать коммунистиче, жечь топливо и боеприпасы, жечь жилье, чтобы они, как клопы, мерзали и морозили, сказал он.—Надо создавать комсомольские диверсионные группы. Дело опасное, дело смертельное, но мы знаем: комсомол справится! «Большую помощь оказавшуюся в октябрьско-декабрьских боях за Москву оказали активные действия партизан Подмосковья. Вряд ли можно переоценить вклад Московской области. Возникла необходимость организации в этих районах партизанских отрядов. И здесь, как и в других делах, московская организация комсомола оказала большую помощь партийным органам в формировании таких отрядов».

Сотни тысяч комсомольцев участвовали в борьбе против фашистских захватчиков. Среди них были такие, как секретарь Можайского городского комитета Гривов, секретарь Боровского района Прохоров, комсомольцы-герои Свищев, Шува и многие-многие другие.

Ко мне пришла группа молодых рабочих с завода «Серп и молот». Это было как раз в начале формирования особых групп для выполнения специальных задач в тылу немцев. Они обирались среди добровольцев самые надежные, самые подготовленные, физические крепкие ребята, и перед началом занятия в специальной школе с ними беседовали товарищи Шеленин, Сизов или я. В разговорах я всегда был беспристрастным инженер-конструктором Константин Пахомов, помимо имени и других ребят: Николай Галочкин, Виктор Ординарев, Шура Гривова, Женя Полтавский, Гривов был беспристрастным, а еще — Кирьяков, Маленков.

Всего восемь человек. А еще лучше помню их

глаза — черные, голубые, серые, и смотрели они настоящие, выжидая, горючие, восторженные, но дело. Готовы? Готовы на все! — был ответ. «Готовы умереть за Родину, если надо будет?» «Готовы!» — был ответ. «Помните, что вас выбрали из лучших, из самых достойных!» «Готовы на все Родину!» — отвечали дружно.

Подготовка в те дни была самая минимальная: обстановка не позволяла тратить и лишнего часа. Через три дня группа была заброшена в тыл врага — странно теперь сказать, но работа таксиста. Странно подумать, представить вам, молодые комсомольцы шестидесятых годов, что Волоколамск был тылом гитлеровцев!

Ступилась непредвиденная группа напарников на насаду на выезде с дороги правее — сразу же встала рота гитлеровцев, высланная против партизан. Пахомов и его друзья приняли неравный бой. Гориче сердца, беспредельная преданность Родине, комсомолу, партии и... очень мало боевого опыта. Ведь всего несколько недель они стояли у станков...

Их жалко жителям. Навалились, скрутили, отпустили, набили, искалечили. А потом всех восьмерых после немучительных пыток повесили на площади в Волоколамске.

Они были первыми. Они не успели выполнить задания, не сумели, может быть, но они справились, что сие? Они были мужественны, гордо смотрели в глаза своим палачам, не проронили ни слова под пытками, даме имен своих гитлеровцев не называли. Они отдали жизни за Родину. Всегда за ними дорога поезда таксисты московских комсомольцев, с успехом выполнявших самые сложные, самые опасные боевые задания. Многие из них, став опытными разведчиками, забрасывались потоки и дальше в тыл, в гаворуссию, на Украину.

«В этот же первый период войны трудящиеся Москвы продавали комсомольскую работу по реализации в тылу фронта. И после этого промышленная Москва промолчала напарников, а после этого все заводы вновь наполнились старыми, подперфорированными станками, и на 14—18-летние подростки и наливали выпуск боевого оружия для фронта».

Московские предприятия быстро переключались на выпуск боеприпасов. Так, например, завод «Красный индустриальный», выпускавший до войны эмальированную посуду, был переведен на выпуск авиационных деталей. Так же — завод Бауманского района, который выпускал заводы железобетонных конструкций стали выпускать боевые снаряды. В ноябре 1941 года предприятия столицы освоили выпуск новых видов оружия — минометов и танковых мин.

В этот героический труд самое горячее участие принимали комсомольцы и молодежь Москвы.

Губской ночью мы приехали с товарищем Михайловым на «Красный пролетарий». В дватом цехе нас встретила необычная для завода тишина. Синие лампочки под потолком, яркие святильники у станков и полные безлюдье. Мастер цеха, старый коммунист Горичев объяснил: «Снаряд обваданный перерыв. Ребята снарядов повли в столбике и теперь спят. Тут мы увидели: мальчишки и девочки в спешках, в домашних курточках и халатах строчили, кто где — между станками, на ящиках, на грядках канит-то делайте! — и спали мертвым сном. Было три часа ночи. Сердце сжималось при виде беспомощных фигур, заспавших в смертельной опасности. Вдруг резко прозвенел снарядом, и их вырвало, и сразу слыш цех. Не мальчишки и девочки — рабочие, опытные, быстрые, точные, стали к станкам, зашли, загудели моторы, полетела, занырнула снарядом, и снарядом, и снарядом, и снарядом к полковым минометам», — пояснил мастер.

Мы подошли к парнику у токарного станка. «Становеще! Пять норм выдает уже недоделано!» — гордо кричал токар. «Пять норм выдает уже недоделано!» — гордо кричал токар. Он стоял на своем, и мне не догадывался до бу супорта токарного станка Нат, не жалость — гордость за эти замечательные ребята неоплаче нас...

«И замечательна, что московская организация комсомола, давшая Родине десны тысяч самоотверженных патриотов, в том числе и героев Красного Знамени. А впоследствии на комсомольском знамени Москвы, как дань великого уважения Родине и партии, на знамени вышиты слова — «орден Ленина»».

...За окном — декабрь 1966 года. Мы открываем от воспоминаний и документов, воскрешающих дни и дела нашего поколения, дни и дела комсомольцев сороковых годов. Я знаю, ведь дело, зная московских комсомольцев и сегодня с теми же именами, верю, что и в будущем, до ваших отцов и братьев — комсомольцев военных лет, крепко держите их зная. Ваше знамя!

стам, сидеть в Москве в такие дни казалось невыносимым, казалось, что если мы немедленно не возьмем в руки винтовки, автоматы, не пойдем в бой против врагов, не сможем жить ни минуты!

В МК, перед кабинетом Щербакова, был как-то поутку, мы поучаствовали: что-то мы делаем не так, попусто говоря, орбелю. Другая оставался в приемной, послала меня вперед. «Посмотри, разведай, как примет нашу просьбу!» — напустивали они меня.

Александр Сергеевич, загруженный в те дни своей всякой работой, совмещавший должности секретаря ЦК ВКП (б), секретаря МК и МК ВКП (б), начальника Главного управления Красной Армии, начальника Совинформбюро, всегда очень внимательный и доброжелательный к людям и нуждам комсомола, выслушал меня кратко. «Душа у них, видите ли, горит! На фронт захотелось... проговорил он грозно.—Тех же революционеры нашлись, какими фразами бросаются! А кто будет тыл обеспечивать? Резервы готовятся! Москву защищать! И еще и еще столько слов, обидных, справедливых, резких, тех, что высказаны у от Щербакова, как из бани—



Фото И. ШАГИНА

Ц. СОЛОДАРЬ

Птарый, потрепанный Блокот. Поначалу даже кажется, что он ислен на мной: ведь прошло почти четверть века и почерк разительно изменился. Нет, нет, именно из этого Блокота приключился динтоватый маневогущий от бессонных ночей фронтовым телеграфистам корреспондентом по адресу: Москва, «Комсомольская правда».

Было это в первые месяцы войны. И сейчас, когда спрашиваешь себя: «Какие же дни памяти более всех?» — в сердце властно стучится память ивевно тех — самых тяжелых и горьких — дней боев под Москвой.

«Действуют по-комсомольски!» Эти слова, — записал я тогда, — вошли в обиходный лексикон фронта. Их можно услышать на аэродромах, в блиндажах свавистов и на артиллерийских наблюдательных пунктах, на повывах танкодромов, в поитотдеге, на коротких привалах и на полях, где еще дымятся следы боя. Выражение действует по-комсомольски: слышишь от генерала и лейтенантов, от комиссаров и политруков, от молодых бойцов, которые еще только ждут незабываемой минуты вступления в комсомольскую семью, и от бывалых воинов, оставивших далеко позади пыльный комсомольский возраст.

Но где же, где впервые довелось мне услышать эту ставшую крылатой фразу?

— Рубев Смоленщины и Московской области, Бон идут за нацуду пльземли. Нужно во что бы то ни стало выжить фашистов из небольшого села и свалить господствующую над местностью высотой. Сложную операцию, которая должна дезорганизовать массивные силы противника, ведет первый батальон. Он принял на себя главный удар фашистских танков. Силы тают.

В ночь командир полка майор Щербанов посылает батальону подкрепление — стрелковый взвод во главе с секретарем комсомольского бюро полка Григорием Выгоном. Пойти в бой за своим воином добровольно выдвинулась группа комсомольцев из других взводов. Они знали, что для достижения цели неминуема ружейная.

Утром майор Щербанов спросил по полковому порядку командира первого батальона:

— Ну, как так подкрепление действует?

В трубке заронтали ответные слова комбата. Они вызвали на уставшем лице командира полка теплую улыбку.

— Что он ответил! — спросил комиссар.

— Говорит, действуют по-комсомольски.

А наутро из донесения комбата стало ясно содержание двух слов: «действуют по-комсомольски». Взвод с которым пошел на штурм Григорий Выгон, скрытно пробрался к окопам во фланг врага. Фашисты на прицеле ближнего боя и стали отступать. Отступавшие, укрывшись в сачки. Но взвод, несмотря на потери, продолжал наступление. Оно и решило исход боя за высоту.

Днем Григорий Выгон вернулся на командный пункт полка. Я стал расспрашивать его о боевых делах комсомольцев. Неожиданно Выгон, молодой педагог-историк, ставший комсомольским воином только на фронте, правдолюбил.

— Подвиги на комсомольское собрание, там вы много узнаете. Совершут комсомольцы роты лейтенанта Калышова.

Комсомольское собрание на переднем крае?

— Прочте, видимо, этот вопрос в моем удивленном взгляде, Григорий сказал:

Генерал-лейтенант в отставке
М. Ф. ЛУКИН

ВЗЫМЬЕ ДНИ КОМАНДИРА



Генерал-лейтенанту Михаилу Федоровичу Лукину 74 года. Военную службу он начал 54 года назад рядовым в крепостной артиллерии. Первую мировую войну встретил в чине старшего фейерверкера (интер-офицерского назначения артиллерии), затем окончил школу прапорщиков и командовал ротой. Во время Февральской революции 1917 года солдаты избрали его командиром батальона. После победы Октября служил в Красной Армии — участником разгрома Деникина, польской кампании. В мирное время занимал ряд высших военных должностей, в том числе был в 1935—1937 году командиром 15-й армии. Эту армию особо отличился в боях за Смоленск.

Подвояда итогов Смоленского сражения, командующий Западным фронтом Маршал Советского Союза С. К. Тимошенко докладывал Ставке Верховного Главнокомандования: «Ординары лейтенанты Курочкин и Лукин в продолжение такого большого времени против столь крупных сил, яростно нападавших с целью окружения и уничтожения наших войск, Курочкин и Лукин мужеством отстояли боковое направление» (генерал-лейтенант, ныне генерал армии, П. А. Курочкин во время боя за Смоленск командовал 20-й армией — РЕД.).

В дальнейшем Михаил Федорович, уже во главе 19-й армии, непосредственно руководил боями в районе Вязьмы, значение которых в истории обороны Москвы можно понять из следующей оценки Маршала Советского Союза Г. К. Жукова: «...Высокая упорность и стойкость, которые проявили наши войска, бравшиеся в окружении в районе Вязьмы, главные силы противника были задержаны в самые критические для нас дни. Мы выиграли драгоценное время для организации обороны на Можайской линии. Кровь и жертвы, понесенные войсками окруженной группировки, не оказались напрасными. Поблизу героически сражавшихся под Вязьмой советских воинов, внесших великий вклад в общее дело защиты Москвы, еще ждет своего описания».

Очень правды слова посетили 19-й армии и Маршала Советского Союза И. С. Конев. В газете «Правда» он недавно писал: «Сражавшиеся под Вязьмой воины... это подлинные герои, перед которыми все мы склоняем головы. Я вспоминаю доблестную жизнь бойцов. Особенно яркой и обстоятельной докладывалась в окружении командиры М. Ф. Лукин: «Войска дрались до последнего солдата и до последнего патрона».

— 1 —

Взаканчивался сентябрь — третий месяц войны. Осень все чаще и чаще напоминала о себе дождями и придрасканными туманами, но лес возле деревни Васильино, где размещался штаб 19-й армии, был по-прежнему тих и уютен. Наши земляники приобретали все более комфортабельный вид, несмотря на то, что до линии фронта было каких-нибудь 7—8 километров. Там тоже было относительно тихо — то, что в военных сводках принято называть «боями местного значения и поисками разведчиков».

Честно говоря, я был рад наступившему затишью. Не прошло еще и двух недель, как я принял от Ивана Степановича Конова, знаменитого командующего Западным фронтом, 19-ю армию. Породишка дала возможность спокойно, без неотчетливых вояй в кура дель, познакомиться с частями и командирами. Это была уже третья по счету армия, которой мне доводилось командовать за столь короткий срок войн: сначала 16-я, оборонявшая Смоленск (ее мы сформировали в 1940 году в Забайкалье, перед самой войной перебазировались на Украину и здесь, под Шенстокой, приняли первый бой с врагом); потом меньше месяца 20-я, и вот теперь 19-я. В то трудное время такие переключения командиров были явлением весьма распространенным. Стоило прослыть хоть немного «удачливцам», как тебя начи-

— 2 —

нали перебрасывать с места на место, — как говорится, «для укрепления руководства».

Не буду детально останавливаться на положении, складывавшемся на фронте. Об этом достаточно подробно говорится в предыдущих страницах. Скажу только, что 19-я армия, состоявшая из шести стрелковых и одной кавалерийской дивизии, в тазее двух танковых бригад, занимала полосу обороны протяженностью 70—80 километров по притокам Днепра — рекам Вопь и Бонец на Смоленщине, западнее Вязьмы.

Мы все понимали, что титанического хронического нам не обещает. Нового наступления немцев следовало ждать со дня на день. Плановые, не потерявшие еще алмаза победителей, заявляли, что Москва все равно скоро падет, так как на нее готовы двинуться сто нехотых дивизий, три тысячи танков и тысяча самолетов. Цифры эти были несомненно преувеличенными, но сила против нас считалась действительной огромная. Проматривая недавно в архиве немецкие карты и штабные документы той поры, я узнал, что противник превосходил нас в некое в два раза, в танках — в три раза, в артиллерии — в три раза. Об авиации я и не говорю — в 19-й армии не было.

Весь день 1 октября над нами возна за воюной или на восток самолеты с крестами

— 3 —

на фюзеляжах. Они не обращали внимания на передний край — разбомбить тылы, навести там паннику, чтобы танки и нехта потом могли рвануться вперед, смаять, окружить — эту излюбленную тактику гитлеровских генералов мы уже знали. Последняя волна самолетов прошила над нами перед заходом солнца. И все стихло. Начиваает!

В ночь на 2-е в штабе никто не спал. Слова и слова связывались мы с частями, с соседями — последний рад уточняя все детали предстоящего сражения. Поздно вечером с передовой вернулся член Военного Совета армии дивизионный комиссар Иван Прокопьев Шехлаков. Веселый, энергичный, он одним своим присутствием способен был поднять настроение, зарвать всех своей неуемной энергией.

— Ну, оркестр и встречю готов, остается ждать гостей, — умиляется он, входя в землянку.

В 5:30 утра земля дрогнула, и тотчас загудели телефонные аппараты. Впрочем, и без телефонных разговоров мы поняли: противник начал артиллерийскую подготовку, вслед за ней начнется первая атака...

Их было много, этих атак — вторая, третья, десятая... Все они кончались одинаково. Перед мной оперативные сводки тех дней, вот что в них сообщалось:

2 октября — 19-я армия ведет упорный бой в полосе обороны.

3 октября — продолжается ожесточенные бои на прежнем рубеже.

4 октября — армия по-прежнему сдерживает противника, атакующего силами до батальонных дивизий с танками.

5 октября — угрозае бои на всем участке, рубеж прежний.

Все командиры заранее знали, как говорить, свой маневр и выполняли его четко и уверенно. Словом, врагу противостояла хитрая и меньшая по силам, но хороню надежный организм, готовый к любым неожиданностям. Лишь однажды эта четкость, без которой невозможно армия, была нарушена. Но об этом чуть позже.

У нашего соседа справа — 30-й армии — дела шли все хуже и хуже. Армия была сята и фактически перестала существовать как единое целое. Окруженные дивизии жались ожесточенно, но враг получал возможность беспрепятственно двигаться к нам в том — то, что на языке немецких генералов называлось «вешками». В разрыв, образованный между 19-й и 30-й армиями, была брошена созданная на резервах фронта оперативная группа заместителя командующего фронтом генерал-лейтенанта И. В. Болдина. Пришлося нам захватить правый фланг. В порядке боя была послана 45-й кавалерийская дивизия. Но командир генерал-майор Н. М. Дреер на указанный участок не вышел. Это могло означать как очень дорого, и в своей аляпистый Дреера. Вместо него были назначены подполковник А. Т. Стученко (ныне генерал армии), который и выполнял поставленную задачу. Дреера по законам военного времени надо было предать суду трибунала и расстрелять. Но я, честно говоря, никогда не был охотником до таких суровых кар, поэтому просто отправил его в штаб фронта. Там в суматохе о нем, видимо, забыли. Насколько я знаю, Дреер потом неслабо достаточно успешно, сделал, очевидно, выводы из своих ошибок.

Угроза окружения ставалась перед нами и полдня 20-я часть соседа слева (генерал это была 20-я армия генерал-лейтенанта Ф. А. Еришакова), тесными неприятелем, начали отход, мы также получали приказ об отступлении на восток.

Но как отступить? Остановка, казалась бы, требовала немедленно сняться с позиции, оторваться от противника и вырваться из-за лаво фронта. В этом случае мы могли бы избежать угрозы окружения. Но оторваться мы унемем ли организованно отойти на новый рубеж? Ведь основная наша тягловая сила — лошади, а враг хорошо моторизован, а следовательно, он может нас прорвать с помощью танков, а также в самые близкие подступы к столице... Я принял решение отходить медленно, с боями, сражаясь на каждом метре земли, выматывая противника, но ожидая такой обороны. Правда, в этом случае угроза окружения не исчезает, но ведь армия вполне бесспособна, собрав в единый мощный кулак и отступает к нам значительные силы, выдвинувшие на Москву. А под самой Москвой наших войск почти нет, я это точно знаю.

И Шеклаков и второй член Военного Со-

вета Ваванов согласился с моим планом. В ночь на 6-е армия с боями начала отходить к Днепру.

В первую мировую войну я командовал ротой и несколько раз участвовал в штабных атаках. Мы неизменно входили в победителями из таких стычек и не только потому, что в мире нет лучших мастеров ближнего боя, чем русские солдаты. Немцы боялись пытка и пытка и, конечно, сами никогда не шли в ближний бой. Этого опыта сейчас очень пригодилось. Наши командиры при первой же возможности переходили в пыточные контратаки, и всегда победа оставалась за нами.

Здорово воевали в те дни и танкисты. Танковая бригада генерал-майора Федора Тимофеевича Ремизова, попавшая была в окружение, подверглась «ничтожной» атаке гитлеровцев, реваншистов, что перед нами слабая, малочисленная группа красноармейцев, загнавшая к тому же в лесные болота. Фашисты шагали под музыку в полный рост. Танкисты подкулачили их совсем низко, а потом прилежным огнем буквально скопили первую цепь. Вторую и третью смяли танки. Уничтожили два батальона вражеской пехоты, бригада вышла из колды и проросидилась к основным частям армии.

Нам удавалось парировать все атаки врага, стремившегося развить свой успех. Цену за это он платил довольно дорого. Упорный бой разгорелся, например, в лесу под Везелинцем, там, где вчера еще находился наш штаб. В этом лесу была одна-единственная дорога, и именно на ней была устроена своеобразная «докушка», перемолочившая 10 танков и более сотни автомашин и бронетранспортеров с солдатами. Вся дорога была буквально усыпана оббитой вражеской техникой.

В общем, отход армии осуществлялся по плану, но кое-где немцам удалось выманить о в нашу подожимую оборону на 20—30 километров. Одна такая группа маршалоа даже во штаб армии. Боины охраняли штабе и бригады, а также в количестве отступающих фашистов. Пришлось снова снаться с места, чтобы придвинуть ближе к своим частям. В этом бою героически погиб командир полка саван полковник Вязлеван-Базый. Мы похоронили его в лесу под селом Ломка, поставили над могилкой столбик с нарисованной чернильным карандашом звездой и двинулись дальше.

Еще одна большая утрата настала нас в этот день. Погиб Шеклаков. Погиб в бою, окруженный со всех сторон вражескими автомашинами. Несколько лет назад мне удалось расквитаться дух от дочерей, работающих сейчас инженерами в городе Волжском. Я написал им о том, каким замечательным коммунистом и человеком был их отец, какими ударом была его гибель для всех нас — людей, живущих в те дни смерти на каждом шагу. Хочу воспользоваться случаем и через «Смену» обратиться к комсомольцам Смоленщины — участникам походов по месту боевой славы отца — с просьбой высказать могилу Ивана Прокопьевича Шеклакова. Он заслуживает высокие почести.

7-го утром армия вышла к Днепру. По

решению нас здесь оставались немецкие танки... Итого же, как и раньше, так и сейчас. Фронт прорван. Немцы устремились на восток.

Я стоял на дороге, пропуская перед собой последние части, прикрывавшие отход. Красноармейцы шли походами колоннами, усталые, но спокойные, без малейших следов паники, бацалды отходили очень легко шагнул ко всем во время отступления. Вот и танковая бригада, командир ее докладывает, что германцы на склоне, а потом накатил рукой на юг. Там, всего в нескольких километрах, по параллельной дороге, опережая нас, тоже двигались большие колонны войск. Прокладывали танки, машины с солдатами и легкую технику двета форме. Они снещат к Москве, не обращая на нас никакого внимания. Все ясно: мы окружены.

Гитлицус сейчас на врага? Заставить его заметить нас? Комбриг спрашивает на меня вопрошаю. Он готов само же минутку повернуть свои танки на врага. Но я машу рукой: «Продолжайте двигаться вперед». Доноситься издалека раскаты боя говорят о том, что основные части уже заняли рубежи по меридиону Вязьмы и остановили гитлеровцев. Далеко они не уйдут, а партизанинка сейчас ни к чему.

У Вязьмы мне вышла в подчинение 32-я армия генерала Вишневого, сформированная из батальонов московских ополченцев. В деревне село-означение Вязьмы я расквитал генерала Болдина. Он смял со своим штабом, без боя. Ценой огромных усилий Болдину удалось на время удержать противника, но не больше: слишком нервными были силы. Сейчас он собрал остатки своей группы.

Да, колыма замкнуто. В 20 километрах село-означение Вязьмы образовалась цепь свободной советской армии, за ней 30-й и 32-й армиями, а вокруг ярки, стремившиеся сдвинуть наш фронт, расквитать группу и разбить подложию.

Здесь, на этом крошечном острове, не было слышно советской артиллерии, стрелковывалась. Все, кто мог двигаться, даже женщины — санитарки, связистки, вышли в ряды оружие.

Шесть дней, днем и ночью, шли тяжелые бои. Нельзя было разорвать, кто атакует, а кто обороняется. Ведь мы всю весх сил стремились вырваться из окружения, выйти к Москве.

Именно в эти дни мною была получена радиogramма за подписью И. В. Сталина. В ней говорилось о том, что (ишу по памяти, так как все штабные документы уничтожены), я в архиве должен найти те ложа не удалось: приход 19-й армии к Москве необходимо, зашифровать Москву немкам и немцам.

Мы и сами понимали, что наша армия, авалкаясь в бой, хороню изучившая повадки противника и в остронапряженности своего боеиспособности, представляет грозную силу. Понимал это и противник. Только теперь я узнал, что в те дни (с 7 по 12 октября) нас окружало 28 вражеских дивизий, а том числе 7 танковых и механизированных. Сосед наш слева — 20-я армия генерал-лейтенанта Ф. А. Еришакова, считавшаяся в моем подчинении, тоже дралась в окружении, отделимо от нас. Связь с ней поддерживалась по радио. В последней радиogramме Еришаков сообщал: «Боеприпасы на склоне, начальники штаба генерал Корнеев тяжело ранен. Револьвер, боеприпасы 28 вражеских дивизий, времени слуха я узнал, что Ф. А. Еришаков погиб в немецком плену».

Номинально в моем подчинении числилась и 24-я армия, но не оказавшая и не оказавшая не удалось. После гибели командира генерала Ракутина она отделилась на восток.

Движение врага на Москву затормозилось, он боялся оставить у себя в тылу наши армия, боялся вызвать 28 вражеских дивизий, а начал идти на Москву, мы шли за ними). Но, повторю, о силах, окружающих нас,

Член Военного Совета 19-й армии дивизионный комиссар И. П. ШЕКЛАКОВ

Член Военного Совета 19-й армии бригадный комиссар В. Г. ВАНЕВ

я узнал только сейчас, а тогда, собирая боеприпасы, горючее для танков — словом, все, что еще можно было наскрести, мы готовились к прорыву. В этом стремлении нас укрепила переключенная радиотраграмма командира 7-й немецкой танковой дивизии генерала Функа (эта дивизия первой вошла в Варшаву и Париж, по приказу Гитлера она должна была первой вернуться в Москву, но так и не добралась туда и закончила свое существование в сталинградском «котле»). Открытым текстом Функ докладывала командованию: «Пустыл в бой последний гренадер, едва сдерживая натиск 19-й армии».

Я послал шифрованные радиотраграммы И. В. Сталину, начальнику Генерального штаба В. М. Шапошникову и штабу фронта, в которых сообщила о готовящемся прорыве. В ответ мы получили из штаба фронта подполковное Г. К. Жуковым, И. С. Коневым и Н. А. Булганиным предписание в случае неудачи выводить отдельные части в район южнее Вязьмы — на участок 20-й армии, где, по доносению Еришкова, противник слабее, чем в других местах. К этому времени связи с 20-й армией у нас уже не было.

Прорыв был назначен в ночь на 12 октября. Место выбрала заболоченная (чтобы не было вражеских танков), возле села Богородицкое. Прорывать фронт должны были 2-я дивизия из состава 32-й армии (командир — генерал-майор, ныне генерал-полковник, В. Р. Ваткин) и 91-я (командир — полковник И. А. Волков). Перед атакой просели артиллерия, на нее ушла остаток снарядов, в том числе два последних залпа «катюш». Никогда не забуду свой кричал на прорыв, в котором несколько раз повторялись слова: «Сам погибай, но товарища выручай».

...Мы идем не на восток, а на юго-запад. Там нас фашисты не ждут, и, хотя придется сделать основательный взрыв, мы должны, обаяны выбраться к своим.

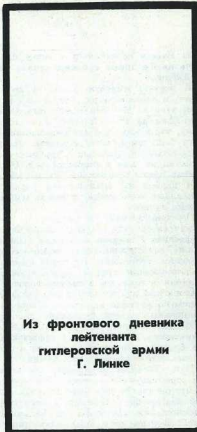
Пробаваться приходится с боями, иногда весьма упорными: гитлеровцев в этом районе оказалось куда больше, чем нам сообщили из штаба фронта. В одной из танков сталинских ночки член Военного Совета армии Владимир Григорьевич Ванев — храбрый, опытный партийный руководитель, до войны работавший третьим секретарем ЦК Компартии Белоруссии. Именем Ванева сейчас названа одна из улиц Минска.

В этом же бою я получил сильное ранение в правую руку. Она до сих пор не действует. Все время напоминала о себе и рана в ноге, «сарабанная» летом под Смоленском.

Большинство частей 19-й армии сумело пробиться к своим: вырвались из окружения танкисты Ремизова и Корчагина, кавалеристы Стученко и многие другие, в том числе все командиры и комиссары дивизий, участвовавшие потом в разгроме врага под Москвой.

Много времени спустя я узнал о словах И. В. Сталина, сказанных им одному советскому военачальнику: «Передайте спасибо Гускину, он помог нам тогда выграть врага и подтянуть сибирские дивизии...»

Недавно, двадцать пять лет спустя, я снова побывал под Вязмой. Время стерло навсегда все приметы войны: не найти наших штабных землянок в лесу под Васильяном, новыми красными домами украсилась Ломы, Шугово и другие деревня Васильинцы, оставшиеся в напале на все время. Пожалуй, единственным уцелевшим «знакомцем» оказалось болото около села Богородицкого, то самое, у которого намечался прорыв. Но, говорят, скоро и его осушат. Жизнь не стоит на месте, она стремительно шагает по земле, за которую сражались и грозном 1941-м бойца 19-й армии.



Из фронтового дневника
лейтенанта
гитлеровской армии
Г. Линке



Записки Крестоносца



18 НОЯБРЯ.

Мы должны принять участие в окружении Москвы. Надеюсь, что после этой просьбы мы будем в Вогиза, что тогда нас отзовут или даже отпустят вовсе. Большие надежды мы возлагаем на начало боя...

21 НОЯБРЯ.

Утром едем в Тарково. Во время разговора с генерал-майором Луком в нашу сторону полетели ракетные снаряды. Все находившиеся в комнате легли на пол. От воздушной волны рухнула обшивка гранат заревами огня, вылетела рама. Грязь и дым поднимались столбом. В доме ранены старший лейтенант Киселев, лейтенант Мухоморов, Мухоморов. На улице слышны стоны и крики тыфлятерманов. Потери у штабной роты большие. Старший фельдшер Бертольд, мой старший друг, фельдшер при полке на западе, и инженерный солдат уворачивают от осколков гранат...

На дороге появились танки Т-34, о котором говорилось в одной из последних советских листовок. Штурмовые орудия направляются вперед, но смысла причинить ему большого вреда. Ночью загорелся сарай, в котором стояли 85 лошадей. Причина пожара осталась неизвестна, очевидно, имел место саботаж...

22 НОЯБРЯ.

На противника пошел 173-й пехотный полк. Наступление представляет возмущающую картину. Весь полк идет открытым полем на лес на северо-запад. Противник использует противотанковые орудия и зенитки помогают своим огнем. Вдруг танки выстреливают в танки и поворачиваются. Вдруг огонь, на цепи стрелков. Его бегут под огнем противотанковые пушки всех калибров и зенитки, стогоня несколько поодаль. Этот навал вернется между соединениями и пытаясь развалить их своими гусеницами. Сзади легкой противотанковой пушки попадают в выхлопную трубу. Наружу выбрасывается огонь. Мы тоже бьёмся. Но танк на большой скорости мчится вперед. Танк вернется на место. Следующий снаряд разбивает створку гусеницы. Т-34 останавливается...

24 НОЯБРЯ.

Наступление продолжается. Но вскоре рота вынуждена остановиться перед выстрелами укрепившимися позициями противника. Она несет огромные потери. Нет ни одного выходящего. С нашедшим днем слабее боевая мощь наших войск. Если 14 дня было в роте было 70 человек, то сегодня — только 40. За завтра будет 35. Некоторые начинают считать дни, когда придет смерть. Все это мы и воевать не показываем своего духа. Часть лучших командиров, пытающихся личным примером повести людей вперед, погибает первыми. Этот фант показывает, как многочисленны потери среди офицеров и унтер-офицеров (50 процентов всех потерь за день)...

На потери, и сомление, очень велики. Люди, находившиеся с начала августа в непрерывных боях, устали. Моральная нагрузка превышает. Крик «санитар» пробегает по цепям, как блудливая огонь, и, напротив, крик «вперед» остается неуслышанным. Все эти нерадостные явления, которые раньше были неизвестны в нашей полке, проявляются теперь так отдаленно и причиняют нам много забот. Мой полковой командир назвал, и мы перелетим неточно. Ответ командующего, генерала полка Габерн, таков: «ты должен верить и дерзать...» Не созданы из усталой, швейной и малочисленной роте сильное, готовое к наступлению войско.

25—28 НОЯБРЯ.

Нам не удалось сломить сопротивления противника. Засосные соединения и танки заняли Истру и продвигаются вперед. Этих охи временно отнимают у нас славу быт ближе значительные силы. Единственно отступаются в лазарет новые бойцы. Из этих солдат мы не видим потом больше никого. Я не знаю, и чему это приводит.

4 ДЕКЯБРЯ.

Противник крупными силами атакует Палицы. Прошибил в лес севернее деревни и угрожает прорывом между нашими опорными пунктами. В лесу заволакует остоменными бонист снарядом. На время огонь утихает, потом танком укажет снаряд, и все чертовщина начинается снова... Рукопашные бойцы воевали несли на нас в проем. Полк потерял убитым 31 солдата, 55 человек ранены.

5 ДЕКЯБРЯ.

Несколько танковых приближается к деревне. Мы с нашими средними танками бессильны против этих чудовищ.

День стоял нам 11 убитых, 34 раненых. Мы понемногу уносим на себя подбитых, когда выйдут из строя последние люди и немому бреду держатся. Вечером в 11 часов в 11 часов в 15 часов внимательно слушаем речь фюрера в рейхстаге...

7 ДЕКЯБРЯ.

Создам невозможность уверить лично обоняю. Предполагается дальнейший отвод сил. Несколькими уцелевшими домы не могут дать приют на ночь. Противник провозвез и нам в тыл. Уносим утерям, нам ист, хлеб в открытой печи. Люди подгорели, на них потрошная оведца. От усталости люди падают... Что же будет дальше?

11 ДЕКЯБРЯ.

Тыловые части отходят согласно приказу и поджигают оставленные деревни...

14 ДЕКЯБРЯ.

Мы обесточены противником, атакующим почти весь день соседней позицией слева. Противник провозвез и нам в тыл. Уносим что-то его не смогли. Угроза выросла. Предполагается новый отход. Мы по-прежнему остаемся в тылу. Мы не знаем, что будет дальше. Мы притягиваем род бов, который никогда не упрямился...

15—17 ДЕКЯБРЯ.

Лично начинаю сватать. Мы продолжаем путь. С трудом тащится автомашинный штаб полка. Мы отхаживаем. Загорел. Южнее, совсем недалеко, слышен шум боя. Опасности попасть в немцы, кажется, уже больше нет. Танк заправлен 50 литрами горючего. Достаточно одной гранаты, чтобы все запылало. И вот немцы поднимаются столб огня высотой в метр. Танки образом, все, что не может быть отбит выстрелом и что не должно попасть в руки большевиком, уничтожено. На дороге то там, то здесь валяются женщины с боеприпасами, со снарядами. Наконец и предметы снаряжения...

Какие потрясающие картины встают перед нами! Я думаю, что видел подобное только при отступлении французских войск. Совершенно отсутствовали фигуры бродят встали в недостойном виде, как бродят в последние дни войны. В 267-й дивизии дело дошло до иррационального...

30 ДЕКЯБРЯ.

Ушешде из лес и деревень население целыми толпами возвращается назад, чтобы достать кому-то еду. Но мы должны быть бдительными! Нельзя раскопать небольшие запасы. Угрозами люди отгоняются прочь. Пусть голод доделает то, что не мог сделать сеице!

31 ДЕКЯБРЯ.

Завлаживают бои местного характера, которые приводят к дальнейшим потерям. Несколькими солдат попарно, очевидно, в русской плен. Пополнение не внесло существенных изменений в нашу полкомону, так как в тот же день привели то же число людей было отправлено в лазарет. У меня той же чувство, как если бы их поставили на пост, а потом забыли сменить. У нас сплотившиеся впечатления, что все мероприятия проводится не вовремя. Хотя вой с досадой! Мы были поразены, услышав утром сообщения о смене командования армией. Командование лежит в свои руки фюрер. Я предполагаю, что смена связана с нашим отступлением. Нет ничего удивительного, что нам не хватало многого, и бы сказать, у нас нет почти ничего...

1 ЯНВАРЯ 1942 г.

Утром 22 июня ушедшего года полк истерича на передовых линиях. В 3 часа 05 мин. первые гранаты нашей части полетели через границу. Десятью минутами позже пехота атаковала многочисленные пограничные укрепления, расположенные которых нам помог установить штаб разведки. В Вогиза не мой завод принял первый бой. Немало потеряли мы, пока взяли крепость Озюват, там пролилась висели в воздухе... После первых боев, в которых мы участвовали, вплоть до района Белосток, я остановился на отдых в лесу, где и получил желтый крест I степени... 18 октября командир наградил меня железным крестом I степени. Мы шли через Бардинское поле, на котором вел бой Наполеон. Мы перешли Мозув-рану шор. Затем последовал мара в Вишнице, первое знакомство с сибирскими дивизионами. Начнется чудовищный событиями нагнать на Москву... Лишения и человеческое напряжение способствовали нас на противника всего 1941 года. Не раз нависала над нами смерть... И вот я стою перед открытой дверью, через которую должен пройти, но не знаю, куда приведет меня дорога...

Печатается с разрешения журнала «Советские архивы».

Большие надежды мы возлагаем на начало боя...

На дороге то там, то здесь валяются женщины с боеприпасами, со снарядами, предметами снаряжения...

Совершенно отсутствовали фигуры бродят встали в недостойном виде, как бродят, как последняя сволочь...

Алла Белликова не новичок в литературе, но до сих пор мы ее знали как сценариста фильма «Сверстники». «Тасин бунт» — один из первых рассказов Аллы Белликовой. В начале 1967 года в издательстве «Советский писатель» выйдет ее сборник новелл «Красное небо».

У Аллы Белликовой свои, глубоко пережитая, выстраданная тема — тема войны. В Великую Отечественную войну бесконечно будет волновать умы и сердца людей.

Но в своих рассказах, и в частности в рассказе «Тасин бунт», Алла Белликова как будто бы и не пишет о войне. Она просто рассказывает о трудных годах, когда люди, гонимые войной, понимали родные места и когда дети, терпящие лишения, выжили благодаря взорванным аэрозольным бомбам, не свистят пули, не грохочут танки...

И все-таки, идет война — великая война добра и зла, милосердия и жестокости и грубости души. Об этом рассказ Аллы Белликовой.

Георгий СЕМЕНОВ

Алла БЕЛЯКОВА

ТАСИН БУНТ

РАССКАЗ

Поезд дернулся. Тася сидела, забывшись в угол, закрыла глаза. В вагоне было душно, накурено.

Поезд медленно полз меж заснеженных полей, кричал, на что-то жаловался, усталая дорога сонным заглохла.

Тасю мучил озноб, холод. Лоб у нее молило, глаза сухо горели, звон стоял в ушах, ноги в дрыгках, неподшитых валенках стлби, словно в снегу.

Тася старалась устроиться поудобнее, но в окно дуло, в опухшем горле щипало от дыма.

— А-а, тихоня...— вдруг ласково пропела тетка.— Сбежала!.

Перед Тасей проплыло розовое, толстое, ненавиденное лицо, белые щелки вместо глаз, тугие шары щек, русые, словно приклеенные к голове волосы.

Тася открыла глаза.

Кругом были незнакомые люди.

«Нет ее, нет...— радостно застучало в голову у Таси,— нет ее здесь...»

На нижних полках люди сидели вплотную друг к другу. Пролоды были завалены вещами. Сидельцами, завязавшие верхние полки, спали. Нога в полосатом шерстяном носке свешивалась с полки прямо над Тасиной головой.

Рядом с Тасей сидел починкой рывачный солдат в шинели внакидку. Шва у него была забинтована.

Напротив Таси молодая женщина с бледным лицом и синеватыми губами кормила грудью ребенка, прикрыв его личико и грудь углом платка. Ребеночка не было видно, только крошечная, немая, морщинистая ручка, высвободившись из одеяльца, слобно и бессмысленно толкала воздух.

Пожилый смуглый солдат внимательно смотрел на Тасю.

Тася попыталась сдержать озноб и не смогла. Она снова испуганно прикрыла глаза.

— Ласкова сволочь...— вдруг сказал рядом голос Ивана Трофимовича.— Я бы сам ее... своими руками.

«Я болна...— думала Тася,— у меня бред, но доеду я, выкинут меня на станции, пропаду... А куда я еду!»

— Есть хочи?— глavo сказала около нее Катя из детдома. Тася сразу узнала ее жалобный голос.

— На-ка, поешь,— ответила ей Тася.— Видишь, здесь целый таз по-видна и яйца... Это все оно и вас урела.

«Надо зубами не стучать...— сдерживалась изо всех сил, думала Тася,— а то заметят... Ох, но доеду я, но доеду, сиунут меня на станции...»

— Эй, девушка, болна, что ли,— произнес над ней грубоватый мужской голос.

Тася испуганно дернула головой.

— Нат. Замерзла я,— прошептала она.

— Вот я и вижу, дрожишь.

Над нею склонилось темное, рывачное мужское лицо. На шею резко белел бинт. Тася вздрогнула. Такое лицо было у ее отца.

— Не-же, не-же!..

— Не надо.

— Накин.

На Тасю легла грубая, жесткая шинель, от которой забыло пахло табаком и крепким мужским потом.

— Спасибо,— прошептала она.

Тася натянула на лицо шинель. Она старалась сдерживаться изо всех сил, но дрожь не проходила. Охваченное жаром маленькое тело ее все время нудно дрожало. Тасю мучило от голода и от болизни. Со вчерашнего дня она ничего не ела.

Поезд качался между печальных, белых полей. На длинных проводах качались ворона. Медленно гаслились змиее сумерки.

Уютные, дорожные, плали вокруг Таси разговоры, обткали ее, но задерживалась в сознании.

То ей казалось, что она маленькая и идет с отцом и матерью по пропавшей дороге. Пахнет цветами, ромь длинно ходит под ветром, слобно кусочни бумаги, летят перед Тасей две белые бабочки. Тася нравятся бабочки.



То они с отцом в родном их городке идут по главной улице к писчебумажному магазину покупать ей портфель. Тася пойдет в школу. От портфеля остро пахнет кожей, Тася нюхает его, и отец смеется.

Но потом над городом, вой, летали самолеты. Ближе, ближе, ближе, и сердце замерло противной дрожью, и об этом нельзя было вспоминать, надо было скорее очнуться... проснуться.

— Скоро Казань,— сказал кто-то.— В Казани патруль беспрерывно билеты будет проверять.

«Плодет патруль, выкинет меня без билета,— думала Тася.— Стыдно-то как будет перед людьми...»

Но глаза у Таси навернулись слезы, в горле замолкло. Она тихонько всхлинула и сразу снова смолчала.

«Ох, не доеду, пропаду...— думала Тася.

Но пропалет ей не хотелось, и она снова тихонько заплакала. От слез у нее сразу сладко замушело в голове, тело наполнилось слабостью, зло попала в ушах. Горячие струйки текли по щекам, заливаясь за уши.

— Да не, спит...— ответил кто-то.

— Чудная девочка. Одна едет.

— Сейчас все едут... — Ты куда едешь-то?— наклонился над ней солдат.

— Не слышишь,— сказал другой.— Не лезь в душу к человеку, спит.

В вагоне стелелось. Снежные поля слабо белели за окном. Поезд дергался на стыках, колесо под полом вагона равномерно и убавляющее стучало.

И снова на Тасю надвинулось ненавиденное, розовое теткинко лицо. И ласковый, фальшивый голос распево спросил ее:

— Куда едешь, тихоня!

А ехала Тася, девочка пугающая лет, в Курскую, к брату. Курская была последняя станция перед Москвой. Ехала Тася через все страну, из Зауралья.

Родителей у Таси не было: отец пропал без вести на фронте, мать погибла под бомбежкой.

Тася перебралась и тетке, сестре матери, в небольшой зауральский городок.

Когда Тася ехала к тетке, усталая от ужасов и несчастий, сердце ее было полно надежды. К родному человеку ехала.

Но тетка встретила ее странно.

замаринованных таз. В одном белева горо яниц, в другом желтело сливочное масло, а третий был полон коричневого вязкого повидла.

Тася понала сразу: Тетка ворона в детском доме продукты, укрادкой ella их сама и кормила дядю, остальное продавала на рынке, и потому она была такая пышная, самодовольная, толстая, а ребята в детдоме ходили с серыми лицами и синими кругами под глазами. Катя плакала по ночам от голода, и тарелки так редко было мыть. Недостачивало.

Тася смотрела на тазы с яйцами, повидлом и маслом, и ее даже замулило от нивастии.

Она вспоминала розовое тетино лицо и вядру услышала, как он пел в детдомской столовой: «Курлы, деточки».

Тася попыталась сдвинуть тазы, места и поднять их, но у нее не хватило сил.

Она не знала, что ей делать. В это время ввалился тетя.

Она увидела Тасю с пыльным лицом, и откинутый подбор, и замаринованные тазы с яйцами, маслом и джемом.

Тетка мгновенно оценила обстановку.

— Ах ты, тихоня, — ласково сказала тетя. — Добралась-таки... А я смотрю, у меня зинка не хватает. Недостачивало.

— А вы... вы... деревянными губами сказала Тася. — Я в детдоме скажу.

Лицо тетки стало жестким, тутже шары щек словно сразу опухли.

— Я тебе давно хотела сказать, — снова ласково проговорила тетя. — Я тебя на маринованную дерку Хавитя я с тобой нанчидла. Вику я, какую благодарности буду от тебя иметь. Родная кручинюшка... Звез, Маленькая, а пекуде. Думешь, я не вижу, как ты хозина моего твоями, вертешись перед ним! — вядру крикнула она.

Тася мучительно покрутила...

— Попробуй только покрути, пекуде! — сказала тетя тихо. — Со свету скину. Со мной вместе пропадеш. Зепугано и тебя. Поняла?

Тася испуганно кивнула.

Ночью она лежала в своем чуланчике, трясась от озноба, слушала, как по ней ходят астры болезни, и мучительно думала.

Она думала, что может смолчать, сделать вид, что ничего не знает, мить в детдомской кухне сиолозные тарелки. Но тут же вспоминала детдом, забытые фанерой она в спальнях, классы, где замарила чернилами, и ребята сидели на уроках, джа на одобрение палочки, и носы у них были синие от холода, вспоминала их дравые бутсики, и казенные, занюшенные тетради, и то, как мгновенно они сбежали сюда, что варила и подавала им тетя. И в печалью думала, что в такой их жизни в детдоме виновата ве тетя.

Она тихонько подерлась с постели, оделась.

В детдоме, кроме тети и Катя, она никого не знала. Учитель и воспитатели она тоже боялась. Тетка чаша ругала их и говорила, что все они еще строгие и добрые люди. Один раз он поглядывал Катю и Тасю по головам, когда они сидели в закутке около кухни и шептались по обыкновению.

И Тася была благодарна ему за то и тихонько полюбила его.

Другой раз она слышала, как он разговаривал с женщиной-аранкой, называя тетиню няню и сказав с сердцем: «Ласковая соловчю», а бы ее сам... своими руками.

Тогда Тася не понала ничего.

Теперь она вырвала листок в клетку из тетради, написала на нем крупными буквами: «ИВАН ТРОФИМОВИЧ ВСЕ ПРОДУКТЫ КРАДЕТ ТЕТЯ ТАСЯ. ПРОДАЕТ ИХ НА РЫНКЕ А РЕБЯТА ГОЛОДУЮТ ПЛЕМЯНИЦА ТАСЯ».

Она взяла челодничок и тихонько вышла на улицу.

На улице была черная ночь. Мело. Но под ногами ее равно хлопало.

Тася пошла в детдом, спотыкаясь и уязвая в снег. Добралась до детдома. Детдом спал. Все они были черны.

Тася постукивая заперла под вядую дверь.

В детдом она не зашла. Ведь Катя лежала в больнице.

Она пошла на вокзал. Она решила уехать к двоюродному брату. Брат этого она никогда не видела, зная только, что он живет где-то на станции Курской под Москвой и работает в лесничестве.

Денег у нее не было, билета тоже. Голова кружилась от болезни, лоб и глаза ложило, а горло было сухо.

Принимет ее брат или нет, она не знала. Но она решила, что все равно уедет. Тету она больше видеть не могла.

— Утром поезд стоял на станции уже далеко от городка, где жила с теткой Тася.

В вагон вошли две санитарки с носилками. Они были в платках и в белых халатах: поехали, пальцы.

— Эта! — спросила одна из них.

— Эта, — ответил смуглый солдат.

Гдеза у Таси были полузакрыты, сквозя жаркие ресницы страшно синие, белки, коричневые губы выкатились.

Она все время синдела с себя синела.

— Клади, Маша, — сказала высокая мужподобная санитарка.

— Давай, Клава.

Из галереи Тася выкатилась слезы.

Чего пламешь — добродушно спросила, склонившись над ней, та, которую звали Клавой.

— Не берите меня, — прошептала Тася. — Мне к брату надо...

— Потом доедешь, — сказала другая санитарка, высокая и белолицая, еще молодая.

— Вы уж ее выключите, — застенчиво полпросила женщина с ребенком. — Смотреть жалко.

— Выключи, — твердо сказала Клава. — Постарайся.

Они положили Тасю на носилки, крепко встрянули их и понесли. Пассажирки провожали их взглядами. Кто смотрел с любопытством, кто с сочувствием, кто равнодушно.

Над платформой было синее зимнее небо. Платформа стояла и скрипела от мороза. Вкусно и вислое пахло снегом.

Писатель Евгений Захарович Воробьев в любви Великой Отечественной войны был корреспондентом газеты «Красноармейская правда». Вместе с героями своих повестей, рассказов, очерков он пережил горькие дни поступления советских войск, а затем прошел дорогами победы из Подольска в Германию. В прошлом году вышел сборник его сочинений очерковой «Гослицы с Зипидом Антоном», но само право писатель считает незаконной. Он продолжает поиски товарищей по фронту, восстанавливает утраченные биографии их подвиги, расширяет записки в фронтовых блокнотах, основанные по всем видам собраний. «Меня бы коротких документальных рассказа об участниках Московской битвы».

Совершеннолетие

Ослепший юноша с самозарядной винтовкой на плече повис на опущенные Носовской рощи, когда там шла жаркая перестрелка.

Командир взвода лейтенант Кузнецов не отрывал взгляда от сарая, который виднелся на той стороне оврага.

— Их, чертень, наверное, в сарае полторы-полтора, — сказал Кузнецов и опустил бинокль.

В этот момент Кузнецов и увидел незнакомого юношу. Тот терпеливо ждал, когда на него обратит внимание, и переминался с ноги на ногу.

На нем старенький поджосник с патронами, что рожки почти не видно. В руках держал джирал «сидор».

— Что скажешь, дружище? — спросил лейтенант Кузнецов.

— Пришел проситься в роту. Из рабочего батальона. Восемнадцатилет стукнуло.

— Совершеннолетие, значит? — Именно. Хочу, товарищ лейтенант, податься на дистантальную. Командир наш Горшков дал согласие.

— А зачем вешевой мешок привел на позицию?

— Там вешей нет. Патроны, — пояснил парень.

— Куда же их тебе столько? — Стрельте по немцам, товарищ лейтенант.

— С твоей просьбой надо идти к командир батальона Габрераху. После бы проходил.

— Вот и хорошо, — парень повесил — а я пока полежу в этой ямке.

Через минуту парень лежал на жесткой земле и вил оковы по колокольню, в которой спрятались немецкие автоматчики. Вешевой мешок лежал рядом, на снегу.

В тот же день Юрий Карва — так звали парня — постирала первого фашиста. Тот перебрал от обугленной автомашки, стоявшей на дороге, к дому с зелеными крыльцами. Не-

мец рванулся на снег раньше, чем добегал до крыльца.

Еще весной беззаботный и простодушный школьник гулял в этой загородной роще со своими однокурсниками. Юрий Карва готовился и предостичать вышупленные экзамены и мечтал о механическом институте. Не прошло месяца, как Юрий Карва был принят на действительную службу, а он уже «кустоном», по вымышленному лейтенанта Кузнецова, семерых фашистов.

Сперва бойцы слегка подтрунивали над Карвым за его жадность и патронизм. У него всегда патроны были раз в пять больше, чем у других бойцов. Умительная хозяйственность и даже своеобразное сиондистство отличали этого тупового парня.

— И зачем ты их столько собираешь, шу? — обоб? — недоумевал командир Бегинерман. — В коллентацию, что ли?

Заникательные с красивым венчиком на острине пули. Трансерирующие с зеленой наводой. Умительные, для стрельбы на короткой дистанции, — с черной отгнетной. Бронированные. И всем патронья Карва умел найти применение.

В поединках с немецкими «кустоками» он действую рассчитывал, осматривательно, хитро.

В полуразрушенной церкви, между куполом и колокольней, за оном сидел немецкий автоматчик. Он вел огонь трансерирующими пулями.

Но вот немцы на трех черновиком оном обломан немца!

Карва полетел вправо, и брвечнотому дому, и забираться на чердак. Оттуда из слухового окошка, он решил понаблюдать за немцем. Ну да, так и есть: тот по махачит в левую крайнюю оне. Карва делает четыре выстрела. Чтобы не сразу обнаружить себя, он стреляет простыми пулями.

Немец оказался глупышкой, наблюдательным и не заставил себя ждать

Сколькож ты спала под огнем отчаянным, боявая наша мейстерра...

с ответом. После четвертого выстрела дала, в который забрала Каревым. При этом очередь из автомата. Значит, предположение правильно: автомат засел в крепление удерживался на чердаке, за дымоходом. Показываться в слуховое окошко нельзя, а то немцы проймают насмерть зеленым пунктиром.

Карев слушается с чердака и отползает обратно в окоп, чтобы отсюда можно было следить за укрывающимся пулеметом. А из укрывающегося можно стрелять транснаушными пулями.

Обнаружить себя? Теперь не страшно, так можно следить за укрывающимся попадающими, ориентироваться своей оной.

Выстрел Карева по крайней оной. Зеленый светилочко подтверждает точность попадания. Немцы автоматами перебегает к среднему оному. Карев Каревым летит в зеленые вспыхивающих и проблещав длинная очередь. Но Карев укрыв и продолжает сползание чердака.

Ветерный выстрел Карева — и очередь внезапно обрывается. Можно покрутиться, что автомат выпал из рук врага. Еще одного фашиста уступил из своего вышнего места восемнадцатилетний красновареню...

Карев оттачивает фронтовую деловитость. Никто в окоп не идет во время бою более интенсивного огня.

Ему всегда некогда, и даже в случае отсрочительного затвора он знает. Руки у него вечно в ружейном накладе, и поэтому от ружейности он уклоняется.

Карев может часами возиться с оружием: разбирать, чистить, проверять. Качество, пылеотстой и любознательность многих поколений тульских оружейников ввалились в этого чрепного парня с зоркими глазами и умелыми руками.

Он умеет ставить винтовые одиннадцатилетние системы, пулеметы пяти систем, быстра оседлая противотанковые ружья Симонова и хорошо стреляет из любого оружия, но предпочтительно отдают свое самозарядной винтовке с оптическим прицелом.

Все поколения его молодой тулки увлечены мимолетом. Дав слово «увлечены», пожалуй, здесь намлово увлечено. Уголвер-паздатор уже освещено. Остальное хорошо изучить прицел.

И в редкие часы отдыха Карев сидит в землянке и возится с оружием. Александр Кузнецов читает бойцам на память стихи Пушкина, затем тажика мануэт «Барышню-чрепастылку», потом «Тамара» Лермонтова.

Этот, сиринку бмд... вздыхает бывшый учитель математик лейтенант Кузнецов, когда все репортёрство удвоженного чтеца искрпак... Сиринка — моя любовь...

На следующий день Юрий Карев отпросился у командира окопа, на улицу Свердловла. Рота в тот день заняла позицию в южной окраине Тулы, а Карев не захотел домой уже давно. Мать, наверно, подкаивает его с совариантиванием, а он продолжает

тем, что находится на действительной службе в Красно-Армейском батальоне.

Но пройти окопо напарнику нельзя было, и семь напарлов обернулись в трущобы существования через прифронтовую горку.

В петербургской темени герба на ногу, за поселком Рогозинским, возникла большая дачная застройка. Они напомнили трамвайные задринки, отблески вальтовой дуги, но Карев знал, что это ведет оном немещий батареи.

Ка уполном Коммунарков выросла барачная. Для Карева, как и для других молодых тульцов, барачника с детства было только символом, романтической грубостью революционных битв. Сейчас это символ с гордым названием, парубком, зримом. Карев пошелел в бой, в бой и в различные забурывающиеся сиринки, рогонные нули и мешки. Они небыли оловян, но так запорошены снегом, что больше похожи на действительную мушкетера.

По соседству с барачником стоял базисный и небытоватый трамвайный вагон. Стояла его дребезжающая после каждого разрыва так, будто воетель резко тормозил вагон у остановки. Черные стелла. Пустые сиринки. Рельсы засыпаны снегом. Нетронутый снег лежит на ступенях вагона, на высокой круглой табуретке вагонного окопа.

Еще недавно трамвай ходил по улице Коммунаров в поселок Рогозинский. На трамвае можно было подходить к самой линии фронта, и Карев тоже ездил на трамвае, когда искал воинскую службу, чтобы определиться на действительную службу.

Но когда немцы овладели Рогозинским, трамвай не стало пути в поселок. Ушел в конце улицы Коммунарков потерял рельсов лед обрушенный трамвайный столб. В минуту, когда того потребует обстановка, придут тулки и опронуток назад воетель вагона вместе с прицелом, чтобы осовлащивать забарачнидировать унучу.

Обратно в землянку Карев пришел, держа под мышкой футляр со сиринкой. Сиринку вид был у красноваренца с самозарядной винтовкой на плече и со сиринкой.

За время своей короткой любви дома Карев обжал соседней и выпросил у него-то давно базисную сиринку.

Ночью Кузнецов вернулся с Федором Дегтеревым из боевого охранения и ушел подокон.

Сиринка, милая сиринка, о которой давно мечтал Александр Кузнецов, висела на завешанной стене рядом с котелком и полковой сумкой!

«Нуемуй!» — Вот это, что в радостном сивитании сказал Дегтерев. Вечером он играл в землянке на сиринке, а Карев слушал музыку, что не мешало ему разбирать, а это время трафрейный пулемет «МГ-34».

Карев в папачки его, как обычно, были в ружейном накладе, и он попорлил, со мной другимс ивнемом голым, не подаю руки.

Тула, ноябрь, 1941.

Шелотка табаку

«... что вас наградили орденом Красного Знамени?»

Рядовой трети роты Тихон Никифорович Игнатев.

— Награду мне выдал, посылочку и человек худощавый, а без курева легло мое полить на отчаянность. А был я пешим посылочным командиром батальона изюлгалка. То донесение достали, то приказу нашего батальона шагались, тащили ящики с патронами на фронт, а там и прощай.

Когда мы вышли на берег Ловы, пришлось принять герцый бой. Пошли немцы окопо, наподобие второго яшелопа.

Провел я несколько часов, и так захотелось курнуть, ну прямо невтерпим. Табачок у меня кончился до последней крошки, а сосед мой оловян, папачка Фадеев из трафрейной команды, и вовсе не курит.

После, когда я окопо, погрузился — что делать? Решил пойти за табачком к Фатыхову — однокласснику в нашей роте воюет, курный чело-век и искуст свой — не бросит папачку перед гостем.

С разрешения взводного пошел вперед в боевое охранение. Там, конечно, пули свистят и так дала. Между прочим, наш там в овражке думают. Где же, кичиреево. Фатыхов! Пришлось элменту от окопа к окопу, искуст Фатыхова.

По дороге аргумент заплотел: ползет уже что-то. Присмотрелся, благо суровые уши не подоселили — немец в одной руке у него автомат, в другой граната, ружья длинной и изюлгал гранат, хорошо видна. И ползет тот немец и кашево танку, который ведет окопа, с места, только башня торчит над оврагом.

«Нука, Тихон Никифорович, — сказал я себе, — твое слово!»

Вскинул винтовку — а она у меня хорошо пристреляна, и курше замочена, чтобы на солнце не бистелась, — прицелился поиме каски и отменил его немца.

«Успел отдышаться — второй немец ползет и танку. Он уже близко, а меня не видит и друга своего понойного тома не видит, так привлекно уже стал на ювели и дотан граната с длинной ручкой. Но броска у него не поучилось, не успел он напро-

назначить, пришлось и его взять на мушкетера.

Только собрался дальше искать Фатыхова — сигарет, из тридцати своей выдвинулся два немца и со всякого не лесу. Наверно, они видели, как я выдвинулся, че, и гранатами и старлю и слибом страшно.

«Нука, Тихон Никифорович, — сказал я себе, — скисни свое веское слово!»

Встал я отять мотеролою, но без проволочки прицелился и два раза палачу. Далено они не убавили, оба улетели. Там и не пришлось мне обоим сминуть: четыре пули — четыре фашиста.

Пополз дальше за табачком. Оврагом где же Фатыхов! Прямо объяснялся. Солнце показывало уже окопо метрех дин, а с утра не курил. И что вы думаете? Не далее как и шестидесяти метрах от меня нашла я своего замаченного курняшника Фатыхова.

Над бруствером торчала знаковая мне личность. Человеч Фатыхов заметный — черноволосый, и ростом бо его не обидел.

Загас с Фатыховым рядом. Достал он своей искуст, отсыпал мне ципоты табаку. Скрутил я толстую цигарку, подымал аэоло, поблагодарил, как полагаются, и пополз обратно.

Пришлось дать кургуля — обширный кургуля из каск четырех фашистов, собрал их документы, подобрал за ними оружие и обратно в свою окопо. Длин немецкий автомат — ахти какой тамешный, но когда их четыре...

Хочу признать, что и курвом и малость развился. Три фашиста, правда, опасались почему-то неуверенно, но у четвертого зажеглась в кармане граната палачов, по-немецки сказать — сигарет, пришлось их реинвентарить.

Вечером и нем на позицию пригнал из штаба пелый сиринку. Нука, что за новости! Означается, по моему дугу. Вызывает командир батальона старший лейтенант Булаков Алексей Анисимович. Знаю его личное, посылочку мы с ним еще от роты Оди воюем-сражаемся.

Сдал я старшине трафрейные автоматы, а потом комбат подроверил со мной за руку и попросил:

— Нука расписани, расписани, как ты там за табачком охотился. Я рассказал все как было и сдал старшему лейтенанту трафрейные документы. И только когда вернулся в землянку, заметил искуст своей ципы: зря фашист прострелил ее из автомата в шесть мест.

Можайское направление, февраль, 1942.

Тула, Ноябрь 1941 г. Враг не проедет.

Только кто освободит Юноа, Победители отыщат.

Игорь ВОЛГИН

Октябрь 41-го года

Октябрь сорок первого года.
Патруль по Арбату идет.
И нет на вокзалах прощода.
И немец стоит у ворот.

И кельнской трактирщицы у Химок
сплонула горькостекующей вошь,
небрежно, как делая снимок,
навел на столицу бинокль.

А что же столица! Столица
глядит тяжело и теплою,
как будто всех жителей лица
столица сплотила в одно.

Бредут от застав погорельцы,
в метро гонимы мальчишки.
И абиты железные рельсы
крест-накрест во все рубящие.

Нестройно поет ополченье.
И в кухне асю ночь напролет
из старых запасов печенье
профессорша мужу печет.

Но смену всемирных коллизий
приблизив незримой рукой,
пазота сибирских дивизий
грядет, как судьба, по Тверской.

Меня прирывает столица,
меня накрывает беда.
И срок мой приходит родиться
теперь — миль уже никуда.

Бьют пушки, колеблются своды —
и время являться на свет!
Октябрь сорок первого года —
назад отступление нет.

Григорий КОРИН

Возле перронной ограды
Матери плакала наш.
Мы слезы их, как снаряды,
Несли на бескрайнем марше,
Мы ни секунды не медлили,
В атаку —
С любого места.
Мы были шестнадцатилетние,
Мы пришли на войну без повесток.
Нас в тылах продержат старалось
Сердобольное адьютанство.
Нас немало в могилках осталось,
Нас, храбрейших из дебютантов.

Виктор КИСЛЯКОВ

Ягода

Понатилась
На перрон норзинок.
Летний гром девушку напугал.
Словно друтья, хлесткие дождики
По рукам хлестали, по ногам...

А потом гроза была сильнее...
Позади оставлено село —
Шла встречать...
Ну, а того, в шинели,
Не довел разбитый шелем.

Девушку встречало утро раннее.
Где-то фронт зарею похлизал.
И тинулись к завалинам раненные,
И пошло ведреро по рукам.

— По вагонам!
И колеса звякнули,

Вадим ШКОДА

Экскурсия

Яркие девушки в ярких чулках.
Словно цветы,

расцвели на полянке.
Я среди них, как усталый Челмаш,
Не потерявший с годами осанку.
— Ах! — говорят они.
— Ох! — говорят, —
Как интересно
И как здесь красиво!

...Узких околов прерывистый ряд.
Буйствует в них молодая крапива.
Речка в долине.
На ветках свиорцы...

Девушки, тише!
Минута молчанья.
Здесь в сорок первом стояли бойцы.
Насмерть стояли, —
Москва за печами.

Владимир СМОЛДЫРЕВ

Солдатская песня

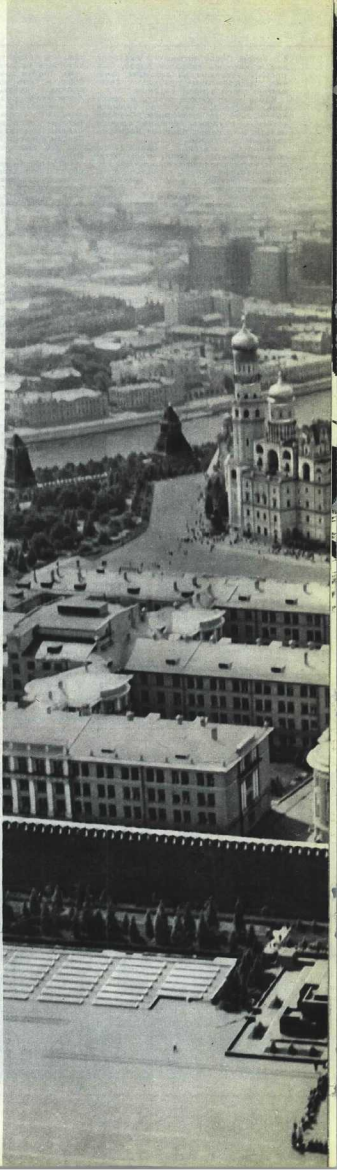
А мама моя вышивала старинные
замки, непелеые замки в диковинных
пышных лесах.
Там свет стевариновый трюгал
пустынные залы
и чуткая лань удивленья носила
в глазах.
И голос серебриный, сонной листвою
процежем,
до полночи плакал в высоком и узком
окне,
и в замке жила, словно белая астра,
принцесса,
которую мама пророчила в будущем
мне.

А в кухне, съедая лохматую мыльную
пену,
кипело, ворочаясь, в цинковых
ведрах белье,
и мама беззвучно шептала
солдатскую песню,
и пахла бельем белоснежные руки ее.

И запели вперевой бойцы,
Моя, уже созрела красна ягода
И найдут на ягоду мушкет.

Вот сидишь, сидишь —
И грустно станет
Двадцать лет со стеной говоришь.
И опять возьмешь уядешь
на станцию,
Позабыв корову подонть.

Здесь полным-полно
Народу всяного.
Бабы с пацаном на руках...
Все берут,
Все очень хвалят ягоду,
А тебе
И ягода горькая.



МОСКВА, 1966 год



КРЫСЫ

Степан Богданов понял, для немца, механика автобазы Ленца, главное выжить — что сверху была красота и блеск. Это у него в психологии: если сверху блеск и шик, то внутри, само собой разумеется, темнота все состоит в тумане не отменном походе. Ленц не мог себе представить, чтобы аккуратно вымытая, отполированная до блеска машина имела при этом такую-то несправность в мостах или двигателях.

Еще на шахте «Мария» Степан понял, что немецкие мастера не замечали саботажа, если инструмент вытерт, промаслен и имеет хороший «выгляд». Видимо, многие десятилетия промышленного развития наложили свой тонкий отпечаток на всю нацию. Это было неким слепым доверием и высшему виду инструментов и машин, детским фетишем аккуратности в труде.

Степан этим пользовался: на шахте он всегда надбавал свой отбойный молоток на глазах у немецких мастеров, а когда они отворачивались, он ослаблял винты, и, таким образом, изнашивалось

молотье увеличивалось раза в десять, а то и больше. Немцы не могли понять, что их светлое отношение и инструменты не может распространиться на миллионы тех людей, которые были пригнаны в Германию Заузелем, чтобы залатать дыры в системе трудового фронта. По всей Германии, неразрывным потоком, стийкий протест, который зародился поначалу пассивным отхождением и работа в потом выливался в осмысленный саботаж. Скопив, представляемые рудоотделами трудовое фронту Заузелем Мартину Борману, являлись собой индустриальную картину эпохи: миллионы людей были привезены в рай, со всех концов Европы. Но если сравнить производительность труда одного немца, то она равнялась по крайней мере производительности труда ста, а то и полутораста иностранных рабочих. Немцы работали за себя, но, работая, понимал, во имя чего он работает: не только во имя победы на фронте, но и во имя тех кадров, которые дадут ему возможность купить новый шнапс, велосипед или автомобиль. Иностранная рабочая сила на фронте, во-первых, а во-вторых, даже там самые настоящие, готовые пойти на немтротиски во имя материальных благ, получали под расчет баланду и деревянные колоды.

Механик Ленц как-то сказал Богданову: «Была б моя воля, я бы платил вам, как немцам: тогда бы мы победили наперекор. Даже машина в зоопарке работает свои фонысы за компенсацию. Почему считаете, что иностранцы будут работать за пустую баланду? Ты была верою, что так все вылизывалось».

Богданов молчал, проволочка надвигалась «опель-капитан». За годы плена он приучил себя к золотому правилу: «Молчи, слушай, запоминай». И все.

— Погоди, — сказал механик. — Ну-на, дай я. Ты не совсем верно трашишь.

Он взял у Богданова тригунку, обманул ее в полирономиче воды, начал наводить блеск на брызжик, как у Степана, движениями, а медленными Чугунка, словно испуганно своего ребенка, издавать часто работала один в гармане. Он мог и сбавить болты в моторах, и сыпануть песочка в чашку, и чуть притормозить вилпаль, но Коля,

НЕИСПЫТАВАЯ ТЕМА

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ О ВОЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

участниками которого мы были. Воспоминания об этом подвиге, сознание того, что мы оказались способными совершить его, помогают нам жить на свете, дают нам то ощущение недаром и честно прожитой жизни, которое для старшего поколения всегда является одним из главных стимулов его дальнейшего существования.

И за это время выросла и вступает в жизнь новое молодое поколение. У него все свершения еще впереди, но оно так же пылало обрабатывает свой взгляд к прошлому, как и его отцы и деды, хотя и совсем с иной целью — в поисках образца, примера для себя.

Для нас, людей, окончательно сформировавшихся в эпоху Отечественной войны, таким образом и примером в годы нашей юности была первая героическая период в истории Советского государства — Октябрьская революция и гражданская война. Маяки, которые осветили нам выход в открытое и оказавшееся штурмовым морем нашей жизни, были революционеры ленинской гвардии: Бухарин и Чапаев, Котовский и Щорс, Павел Корчагин и «Красные дьяволы». Наша сталь закалялась на этих героих жизни и литературы.

В 40-м и 41-м годах нас отдаляли от этих героев те же 20—25 лет, которые отдаляют нашу молодежь сегодня от героев войны Отечественной. И именно в этом, ближайшем по времени, героическом периоде нашей истории нынешняя молодежь ищет сегодня тех, кто стоит для нее примером в жизни.

На мой взгляд, тут и коренятся главные причины того повсеместного оживления интереса к истории Отечественной войны, к ее героям, которое мы наблюдаем в последние годы. Здесь и широкое, массовое движение красивых следопытов, и внимание к дорогим могилкам павших героев, и сооружение новых памятников из народных средств, и забота об инвалидах и ветеранах войны, и то, что за последние годы героика военных лет находится в центре внимания нашей печати, радио и телевидения. А в литературе это — создание новых значительных произведений о войне, появление целой группы талантливых военных писателей, то факт, что многие литераторы, отошедшие было от военной темы, снова вернулись к ней, и главное то, что книга, повествующая о военных годах, снова заняла почетное место на полках библиотек и привлекала внимание читателей.

Пожалуй, самой характерной чертой развития военной темы в нашей литературе последних лет было появление огромного количества

документального материала. Многие из того, что годины хранилось в архивах государственных и личных, оставались в дневниках военного времени или просто в памяти людей, получили выход на печатные страницы. Наши крупнейшие военачальники опубликовали свои воспоминания, среди которых мне хочется упомянуть книги мемуаров Маршалов Советского Союза И. С. Конева, С. М. Буденного, А. И. Ермакова, В. И. Чуйкова, Ф. И. Толкина, адмирала Н. Г. Кузнецова, статьи Маршала Советского Союза Г. К. Жукова. Появились сотни книг с воспоминаниями генералов, адмиралов, офицеров и рядовых участников войны. В редакции журналов и издательства хлынул поток документальных рукописей, и хотя в большинстве своем они не могут быть напечатаны из-за невысокого литературного качества, все же и в них содержится немало ценного материала о войне, который в дальнейшем придется нашим историкам и писателям. Если добавить к этому величайшую работу, проведенную за последние годы нашими журналистами, открывшими для народа тысячи до того неизвестных героев, осветившими в статьях и очерках малоизвестные эпизоды войны, то можно с уверенностью сказать, что вклад, внесенный нашей литературой и журналистикой в историю Великой Отечественной войны, поистине неопиcим по своим масштабам.

Новые значительные произведения военной темы создала за этот период и наша художественная литература. В поэзии это «Воспоминания Роберта Рождественского, «Кривь и перья» Юстинаса Марцишквичюса, «Суа памяти» Егора Исаева и т. д. В прозе это прежде всего два романа Константина Симонова «Живые и мертвые» и «Содатями не рождаются». Следует упомянуть здесь повесть Павла Нилина «Через кладбища», роман Григория Васильева «Июль 41 года», романы Иван Мележа и произведения очень интересного и талантливого военного писателя Василья Быкова, уже уверенно завоевавшего себе большой круг читателей. Но при всей значительности других произведений именно книги Константина Симонова прокладывают путь к тому широкому потоку Великой Отечественной войны, которое было стало «Войной и миром» нашего советского времени и которого еще ждет наш читатель от литератора. Она у нас впереди, эта эпопея великой войны, где будущий советский Толстой сумеет с новой глубиной раскрыть человеческие характеры того времени, показать все сложности военной эпохи, дать

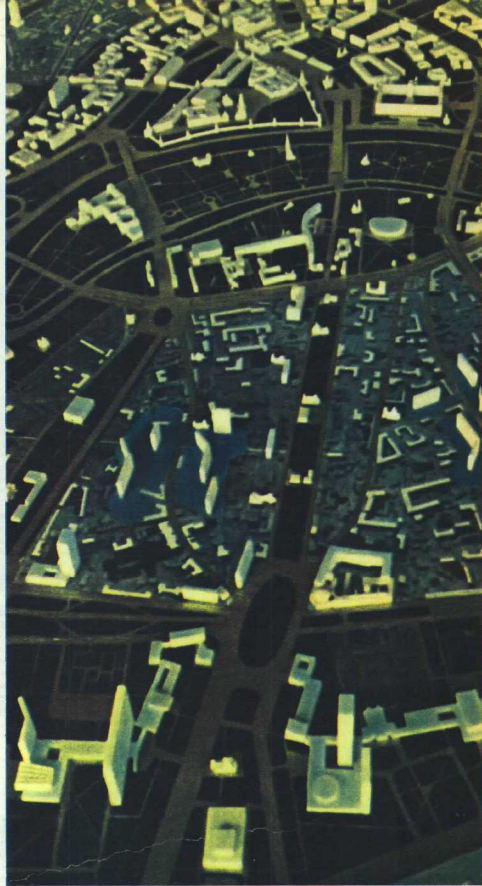
широкую масштабную картину великого по широкому подвигу.

Мне кажется, что военная литература по-прежнему идет серьезно и с успехом разрабатывала проблему «человек и война». Во многих произведениях наших военных писателей с большой глубиной и тщательностью исследуется психология человека на войне, в бою, во всех сложностях и трудностях фронтного бытия. И если вспомнить, сколько у нас появилось, да еще и поддается, книг о войне, написанных примитивно, упрощенно, плакатно, то настоящая глубина проникновения в психологию война, несомненно, представляется важным достижением военной литературы последнего времени.

Но, по-моему, с тем большей настойчивостью стучится сейчас в двери нашей военной литературы другая проблема — «народ и война». Я далека от того, чтобы противопоставить ее проблеме человека и война! как даже просто сравнивать их между собой. Между ними, конечно, существует тесная взаимосвязь, и каждый литератор, с настоящей глубиной расширяющий психологию человека на войне, вносит одновременно свой вклад и в эту большую проблему — «народ и война». Речь идет о создании таких произведений, которые, сохраняя психологическую глубину в обрисовке характеров, вместе с тем покажут во всю ширь четырехлетнюю борьбу народа — на фронте и в трудовом тылу, в партизанских лесах и в тибальном питевском плену. — покажут в достойном масштабе самоотверженность и волю народа, его мужество и непримиримость, его жертвы и горе.

То, что за последние годы в нашей военной литературе появилось огромное количество документальных произведений, было как бы податками и поводом для этого будущего урожая. Именно это — образ документа дает зоркую основу нашим писателям-прозаикам для создания произведения крупного эпического масштаба. И я лично верю в то, что этот урожай взойдет и такие произведения появятся в самом недалеком будущем.

Трудно сказать, в каком направлении пойдет разворот об этом на свете, но нет никакого сомнения в том, что он состоится, этот разворот о военной теме в нашей литературе, о произведениях, посвященных Великой Отечественной войне, отвечающих потребности народа оценить и осмыслить свой подвиг того времени и необычайно важных для воспитания лучших качеств в нашем молодом поколении, вступающем в жизнь.



МОСКВА 1980

В. САЖИН
Фото В. МИШИНА,
И. СЕРЕГИНА

Под окном редакции, где в лихую эту статью, стремительно проносятся автомобили. Они движутся в разных направлениях, как бы в три отъезда. А совсем недавно, когда наша редакция переехала в это современное здание, здесь был старинный мост через железную дорогу и вечные лето-мобильные пробки с ревущими моторами и туманом выхлопных газов. Площаду у вокзала открыли ветхие, неказистые домишки.

Сейчас и пытайся восстановить в памяти все как было, и мне не удастся это сделать. Широкая бетонная магистраль эстакады, высокие дома вокруг — будто так было всегда.

Москвичи смирились с переменами в своем городе, с его постоянным обновлением. В самом деле, лишь события редки западают в память, но сто тысяч новоселов каждый год, которые сплывут в Москве, — это явление, которое становится общеданным, становится повседневностью, чем-то самым собой разумеющимся.

В предвоенные годы открытие каждой новой линии, каждой станции метрополитена было праздником москвичей. Вечером, нарядно одевшись, все шли смотреть. И паровозу новой станции подходил перелопоченный поезд, и состав его пассажиров — менялся цепочком. А в подземных дворцах (именно так их называли) была такая толча, какой не бывает даже на самых больших народных гуляниях.

Теперь же выражение любопытства и восхищения можно заметить лишь на лицах туристов. Далеко грандиозность и совершенство Дворца съездов в Кремле вскоре перестали поражать воображение.

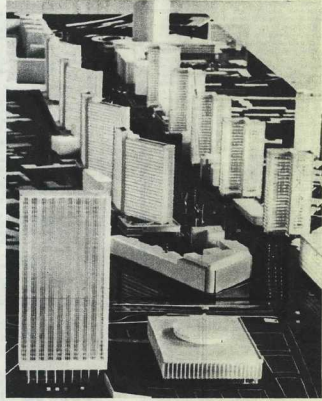
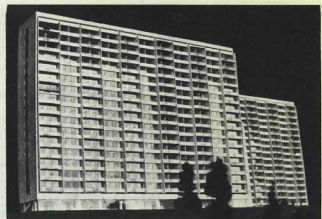
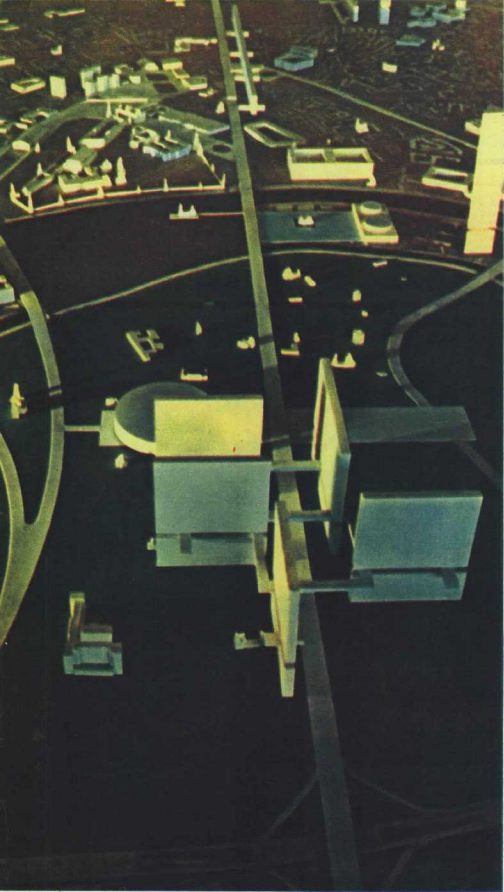
И только Останкинская башня — это изумительнейшее произведение инженерного искусства — привлекает и себе сейчас всеобщее внимание. Она словно игла, возвышающаяся в небо. Ее хорошо видно из многих мест Москвы. Промут ее был настолько смел, что казался фантастическим и потому далеким от осуществления. И вот строительство близко и завершено. На глазах москвичей как бы воплощается, материализуется мечта. Но, видимо, пройдет какое-то время, и москвичи привыкнут к тому, что в их горо-

де есть столь уникальное сооружение, какого нет и, наверное, долго еще не будет нигде в мире. Такова жизнь, такова наша действительность.

Нас больше привлекает вопрос, где, что и как будет построено, мы любим мечтать о будущем нашей столицы.

Недавно правительство одобрило технико-экономические основы генерального плана развития Москвы, предложенные Московским городским комитетом партии и Моссоветом, и архитекторы и инженеры приступили и к разработке плана строительства.

Какой же видится нам Москва ближайших лет? В беседе с архитектором Нелатовским Владимир Ильич Ленин высказал мысль о том, что новые



районы Москвы нужно строить на Воробьевых (иные Ленинских) горах, то есть в сторону юго-запада. Там и местность сухая, горевая Владимир Ильич, и воздух чистый, здоровый.

А ведь и в самом деле для современного большого города проблема чистого, здорового воздуха, иначе говоря, проблема климата, очень важна. Насыщенность промышленности, транспортом, плотная масса жилых домов — все это резко снижает потенциал здоровья городских жителей. Как же будет решаться эта сложная и неистощающаяся для всех современных больших городов проблема в Москве будущего?

Город останется в существующих ныне границах, очерченных кольцевой автомобильной дорогой.

Это составляет примерно 30 километров в диаметре. В этих пределах не будет построено ни одного нового промышленного предприятия. Мало того, многие малые заводы и фабрики будут вынесены за пределы города. Промышленность Москвы будет специализироваться в области точного машиностроения и приборостроения, радиоэлектроника, производства станков и автомобилей и в некоторых отраслях легкой и пищевой промышленности.

Население Москвы ограничивается числом 6,5—6,8 миллиона жителей. При этом имеется в виду, что рост производства будет идти не за счет расширения предприятий и привлечения новых рабочих, а за счет совершенствования технологических процессов и оборудо-

вания, за счет технического прогресса. И это единственно правильное направление. Иначе Москва может принять самые уродливые формы гигантских разросшегося города, нормальную жизнь которого наладить будет просто невозможно, как невозможно это сделать, скажем, в Нью-Йорке.

С другой стороны, такое ограничение позволяет наконец обеспечить всем жителям в Москве нормальные условия: двадцать — пятнадцать квадратных метров на человека, то есть каждый член семьи будет иметь отдельную ванну, сможет нормально отдыхать, заниматься, не мешая другим, принимать у себя друзей.

Чем подтверждается эта уверенность? За 30 лет, прошедших с тех пор, как был принят первый гене-

ральный план реконструкции столицы, в Москве построено 35 миллионов 600 тысяч квадратных метров жилой площади. Почти половина этого строительства приходится на последние пять лет. Только в прошлом году построено 3 миллиона 600 тысяч квадратных метров жилья. Темпы строительства очень быстро растут. А в то же время, когда будет завершен новый генеральный план, количество жилищ в Москве удвоится.

Проблема транспорта — одна из самых сложных проблем, которую предстоит решить градостроителям. Скоростное движение автомобилей (число их увеличится весьма значительно) должно быть организовано таким образом, чтобы пассажиры могли быстро добраться в нужное им место города.

Контуры Москвы ближайших лет уже сегодня можно различить в строящихся зданиях Совета Экономической Взаимопомощи.

Так выглядят два варианта реконструкции центра города, которые были отмечены карандашом на картине. Однако окончательного проекта пока не существует. Архитекторы ищут спорят, думают. Проблема эта очень сложна и многообразна.

Конструктивные формы способствуют созданию простого и удобного жилого дома, в котором хорошо сочетаются эстетические требования с индустриальными методами строительства.

Пропспект Калинин. На нашей снимке — макет. Через год большую часть этого снимка можно будет повторить с натурой.



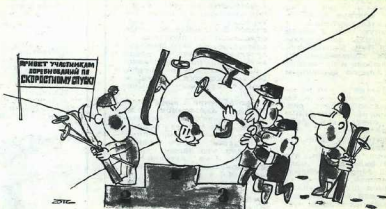
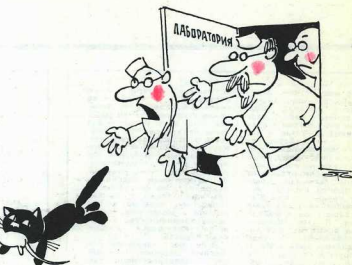
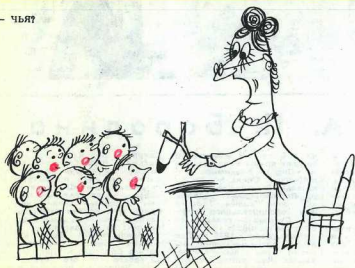
— ОСНОВНОЕ В КОНТРАТАКЕ РЕБЯТА. — ЭТО ВНЕЗАПНОСТИ



— ЭТОТ У НАС ЗА ДВОИХ РАБОТАЕТ.

Рисунки В. ТИЛЬМАНА

— ЧЬЯ?



Рисунки О. ТЕСЛЕРА



Рисунки В. ШКАРБАНА

Главный редактор В. И. САМОХИН.

Редакция: К. К. Андреев, В. Н. Ганичев, А. Д. Голубев [заместитель главного редактора], Е. А. Долматовский, А. М. Ефремов [ответственный секретарь], К. Н. Замощиков, Р. Ф. Казакова, А. П. Кулешов, А. С. Лавров, Е. И. Рыбчиков, Г. В. Семенов, С. С. Смирнов, А. Б. Стуков [главный художник].

НАШ АДРЕС: Москва, А-15, Булаварный проезд, 14.

ТЕЛЕФОНЫ РЕДАКЦИИ:

Для справок: Д 3-30-87; отделы литературы и искусства — Д 1-32-84; ордера и публикации — Д 1-03-91; международное издание — Д 3-31-50; физкультуры и спорта — Д 3-31-50 писем — Д 30-30-47; науки и техники — Д 1-04-10; фотографии и репортажа — Д 3-30-97; информация — Д 3-31-03; оформления — Д 0-29-39.

Художник-оформитель О. Теслер.
Технический редактор Н. Вудкина.

А 10463. Подписано и печатано 220х1 1986 г. Формат бум. 70 × 108¹/₂. Печ. л. 4. Усл. печ. л. 5,6. Тираж 1 000 000. Изд. № 2161. Заказ № 2001.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Сдержанно.

Рвались ми - ны, рассвет пылае, и совсем не почувствав
бо - ли, ты на за - падлицом у - пае, на кра
ю перезрев - шего по - ля. Продолжа - ют рас -
светы пывать, как звезда на твоей пи - лот - ке.
Бы - ло, отец, те - бе двадцать пять Ми сегодня с тобой - одногодки.
- огами стооб - одногодки! Мы на годки с тобой одногодки.

ОДНОГОДКИ

Слова Вениамина БУТЕНКО
и Геннадия ГЕОРГИЕВА

Музыка Александра АВЕРКИНА

Рвались мины, рассвет пылае,
И, совсем не почувствовав боли,
Ты на запад лицом упал
На краю перезревшего поля.

Прплев:

Продолжуют рассветы пылать,
Как звезда на твоей пилотке.
Было, отец, тебе двадцать пять.
Мы сегодня с тобой одногодки!

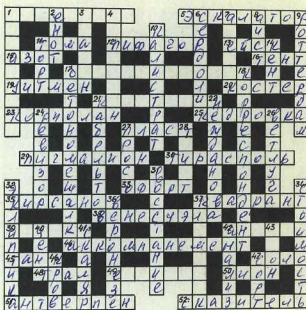
Мне на свете не просто жить,
В том обязан тебе я признаться.
Мне теперь за двоих любить,
Ненавидеть, грустить и смеяться.

Прплев,

Четверть века — короткий срок,
Боль войны остать не успела.
Ты прости, если я не смог
Сделать то, чего ты не доделал.

Прплев:

Продолжуют рассветы пылать,
Как звезда на твоей пилотке.
Было, отец, тебе двадцать пять.
Мы сегодня с тобой одногодки!



КРОССВОРД

Составил В. ОЛИФЕРНКО,
г. Липецк

По горизонтали:

1. Картина В. Е. Манаевского, посвященная революционному студенчеству России.
2. Лестница с движущимися ступенями.
3. Французский композитор XIX века.
4. Древнегреческий философ и математик.
5. Город в Нижегородском крае.
6. Химический элемент, газ.
7. Перуанский намест.
8. Город в Калининградской области.
9. Американский поэт XIX века.
10. Ежемесячный журнал для детей.
11. Русский драматический автор XIX века.
12. Увертюра Ветховена.
13. Птица, обитающая в хвойных лесах.
14. Слой осадочных горных пород.
15. Пысь Б. Шуу.
16. Город в Молдавии.
17. Вид гравюры.
18. Парсонаж романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?».
19. Четвертая часть круга.
20. Государство в Южной Америке.
21. Часть слова, несущая грамматическое значение.
22. Величина затрат, выраженная в дангах.
23. Итальянский живописец XVI века.
24. Деменная единица некоторых зарубежных стран.
25. Математическая величина, выраженная одним числом.
26. Вид научного исследования.
27. Венесуэльский поэт, удостоенный золотой медали мира.
28. Ирышя жилища.
29. Разновидность культурного растения.

По вертикали:

1. Печная птица.
2. Пущинский зверек.
3. Город в Нижегородской области.
4. Чертный мир по шашкам.
5. Цветной минерал, поделочный камень.
6. Город в Алтайском крае.
7. Птица, обитающая в хвойных лесах.
8. Порт в Великобритании.
9. Скульптор И. А. Некрасова.
10. Кондитерское изделие.
11. Американский художник, античный боец за мир.
12. Машина для приготовления строительного материала.
13. Литературный сотрудник периодической печати, радио.
14. Морская мера длины.
15. Певца, народная артистка СССР.
16. Комедия Н. В. Гоголя.
17. Притон Волги.
18. Знак.
19. 28. Талант.
20. Максимум вооруженное выступление для защиты классовых и национальных интересов.
21. Круг небесной сферы видимого годичного движения Солнца.
22. Величина затрат, выраженная в дангах.
23. Итальянский живописец XVI века.
24. Деменная единица некоторых зарубежных стран.
25. Математическая величина, выраженная одним числом.
26. Вид научного исследования.
27. Венесуэльский поэт, удостоенный золотой медали мира.
28. Ирышя жилища.
29. Разновидность культурного растения.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 22

По горизонтали:

3. Валанкерс.
4. Лосос.
5. Киприан.
6. Крылатка.
7. Риттер.
8. Боркс.
9. Далин.
10. Галуб.
11. Шадда.
12. «Сирена».
13. Ватекс.
14. Рубин.
15. Бриллиант.
16. Кассета.
17. Рафра.
18. Репуар.
19. Филлидин.

По вертикали:

1. Хариэль.
2. Песчара.
3. Комсомольская.
4. Вюрб.
5. Консерватор.
6. Спиритометр.
7. Далин.
8. «Полоса».
9. Рубин.
10. Орочи.
11. Лигос.
12. Вондла.
13. Кобит.
14. Омар.
15. Урюк.



Работы, с которыми мы знакомим сегодня читателей «Смены», были выполнены в самые тяжелые дни для нашей Родины, для Москвы — осенью 1941 года. Автор этих рисунков — 19-летний юноша, очевидец битвы за Москву. В его рисунках — живые дымящиеся вражеские столбцы, бежащие люди, боезащитники. Позднее молодой график работает в студии имени М. Б. Грекова. Ныне имя автора этих рисунков широко известно. Это художник Владимир Богаткин. Его творчество многообразно, главное содержание его работ — современность, люди и события наших дней. Но и сейчас В. Богаткин не забывает военную тему. Ведь с нею нивчался его путь в большое искусство.

